

✧ ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ ЮНИР САФ С

ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

Мир, человек и путь
в тюркской традиции

Юнир Саф

ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

«Автор»

2026

Саф Ю.

ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ / Ю. Саф — «Автор», 2026

Как обрести внутреннюю опору в эпоху хаоса, обратившись к вековой мудрости предков? Эта книга — глубокое философское и духовное осмысление тенгрианства, древней тюркской традиции веры в Вечное Небо (Тенгри). Тысячелетиями кочевники Великой степи жили по законам священной меры, сохраняя безупречную гармонию с окружающим миром и собственной совестью. Автор раскрывает основы миропонимания номадов и их уникальный этический кодекс. Это не просто исторический экскурс, а практическое руководство для современного человека. Вы узнаете, как принципы тенгрианства помогают обрести внутреннее равновесие, переосмыслить свои жизненные ориентиры и восстановить утраченную связь с природой. Откройте для себя философию, которая учит силе, стойкости и осознанности под бескрайним Вечным Небом.

© Саф Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О книге: Слово к читателю и духовный ориентир	6
Краткий словарь ключевых понятий традиции	7
Книга I. Источники и начало традиции	8
Глава 01. Древнейшие свидетельства: эпоха хунну и тайна истоков	8
Глава 02. Слово на вечном камне: орхонские и енисейские памятники	11
Глава 03. Взгляд извне: как соседние народы открывали веру степи	13
Глава 04. Слово степи среди мировых учений: средневековые тюркские тексты	15
Глава 05. Живая память: сказания, предания и эпический голос степи	17
Глава 06. Память крови и земли: обычаи, обрядовый уклад и степное право	19
Глава 07. Межа истины: подлинная традиция и очищение от вымысла	21
Книга II. Небо и мир: теология и космология	23
Глава 08. Тенгри: священное небо, образ творца и исток бытия	23
Глава 09. Небо видимое и небо сокровенное: купол мира и высший порядок	28
Глава 10. Священная земля-вода: одухотворенный мир и благоговение перед жизнью	33
Глава 11. Умай: материнское начало, защита колыбели и очага	37
Глава 12. Предки и память рода: зов аруахов, тризна и завет отцов	41
Глава 13. Святыни степи: священные горы, целебные воды и дух огня	45
Глава 14. Строение мира: три царства вселенной и мировое древо	49
Глава 15. Вселенский закон тёрё: небо, государь и народ	53
Книга III. Человек в мироздании: антропология	57
Глава 16. Человек меж небом и землей: призвание и место во вселенной	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юнир Саф ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

Юнир Саф
ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

Традиция, мировоззрение и путь человека

* * *

ЮНИР САФ
ПОД НЕБОМ ТЕНГРИ

Мир, человек и путь в традициях тюркоязычных народов

Уфа

Studio AI43

2026

Книга представляет собой целостное философско-культурологическое осмысление древней традиции почитания Вечного Неба — Тенгри. В доступной и ясной форме раскрывается миропонимание кочевников Великой Степи, священный закон космического порядка Тёрё, бережный лад с природой и нерушимый нравственный кодекс совести. Издание снабжено практическими жизненными ориентирами и обращено к широкому кругу читателей, ищущих духовную опору и внутреннее равновесие.

О книге: Слово к читателю и духовный ориентир

Эта книга родилась для того, чтобы стать верным и надёжным проводником для каждого человека, независимо от его опыта, возраста и жизненного пути. По своей ясности, простоте и бережному строю она создана так, чтобы быть доступной начинающему, не перегружая ум сухими схоластическими терминами. Однако её глубина и мудрость открыты абсолютно любому читателю — и тому, кто только впервые поднимает взор к бездонному лазурному куполу Неба, и тому, кто уже давно ищет незыблемые духовные ориентиры. Каждый найдёт здесь ответы на вечные вопросы человеческого сердца: кто я в этом бескрайнем мироздании? На что опереться в дни сомнений, невзгод и бурь? Как пройти свой земной путь достойно, в мире с чистой совестью, в неразрывном согласии с природой и самим собой?

На протяжении тысячелетий народы Великой Степи не строили каменных храмов, которые запирали бы дух человека в четырёх глухих стенах. Их храмом был весь видимый мир: открытый небосвод, согретый солнцем и озарённый звёздами, живая земля, поросшая ковылём и целебными травами, чистые горные ручьи и вечный огонь домашнего очага. В этом великом открытом пространстве выростала не догматическая секта и не собрание сухих религиозных запретов, а целостное, мужественное и поразительно современное мировоззрение — вера в Тенгри, в священное Небо-Творца, объёмлющее всё живое.

Из древнетюркских рунических стел Орхона и Енисея, наскальных рисунков Алтая, старинных поэтических сводов, богатырских сказаний и живого векового обычая проступает совершенно ясный образ праведной жизни. Традиция учит: человек не случаен и не одинок во Вселенной. Он не червь, ползающий во прахе, но и не слепой деспот, имеющий право хищнически разорять природу. Человек поставлен Небом ровно посередине — «между Небом и Землёй» — как сознательный хранитель равновесия, правды и священной меры.

Подлинная духовная свобода, согласно традиции Тенгри, открывается не во вседозволенности или эгоистическом произволе, а в добровольном и благородном принятии своего долга:

1. Долг перед Небом (Тенгри) — жить по правде, держать совесть чистой, не осквернять уста ложью и помнить, что над каждым твоим поступком бодрствует всевидящий небесный взор;

2. Долг перед Землёй и Водой (Йер-Суб) — благоговейно беречь живую природу, не брать от неё лишнего, очищать родники, сажать деревья и не нарушать священного природного лада алчностью;

3. Долг перед своим родом и предками (Аруах) — свято хранить память отцов, почитать седины старших, оберегать покой матери и чистоту семейного очага;

4. Долг перед грядущим — воспитать детей в чести и достоинстве, передав им незапятнанное Доброе Имя (Эдгу ат) и цветущую землю.

Девять Книг этого труда проведут тебя последовательным и светлым путём: от древнейших свидетельств на вечном граните сквозь строение вселенной, тайну души и законы степной чести — к сокровенному пониманию своего личного пути под открытым Небом.

* * *

Краткий словарь ключевых понятий традиции

Чтобы чтение книги было лёгким, ясным и глубоким для каждого, напомним главные священные слова традиции:

- Тенгри (Kök Tengri / Тәңір / Тәңре) — Вечное Небо, верховный Творец, высший Разум, животворящий Свет и нерушимый нравственный Закон бытия.
- Кут (Qut / Құт / Кот) — священная небесная благодать, животворящая сила и духовная крепость, ниспосылаемая Небом человеку для праведных дел.
- Төрө (Törü / Төрө / Төре) — вселенский космический Порядок и нерушимый нравственный Закон, которому подчинены и природа, и правители, и простые люди.
- Йер-Суб (İduq Yêr-Sub / Жер-Су / Ер-Һыу) — Священная Земля-Вода, живая, одухотворённая ткань природы, требующая заботы и благоговения.
- Умай (Umay-Ana / Ымай ана) — светоносное материнское начало бытия, добрая покровительница младенцев, колыбели, матерей и плодородия.
- Аруах (Aruaq / Арвақ) — духи праведных предков, незримая духовная опора рода и живая связь поколений.
- Ант (Ant / Серт) — священная присяга на верность правде, нерушимое слово чести, скрепляемое перед лицом Неба.
- Алас (Alas) — обряд духовного очищения огнём и целебным дымом горного можжевельника (арчи).
- Эрдем (Erdäm / Ерлік) — подлинная человеческая доблесть, соединяющая мужество воина с добротой сердца и верностью долгу.
- Босаға (Bosağa) — священный порог родного дома, отделяющий внутренний мир семьи от внешнего хаоса.
- Эдгу ат (Edgü at) — незапятнанное Доброе Имя человека, переживающее века и остающееся в благодарной памяти потомков.

* * *

Книга I. Источники и начало традиции

Глава 01. Древнейшие свидетельства: эпоха хунну и тайна истоков

«Каждое утро шаньюй выходит из шатра и совершает благоговейное поклонение восходящему солнцу; вечером же он обращает взор на закат и совершает поклонение луне...»

— Сыма Цянь, «Ши цзи», гл. 110, ок. 100 г. до н. э.

С чего начинается путь человека, ищущего свои духовные истоки под открытым Небом? Он начинается с тишины утренней степи, с благоговейного предстояния перед первыми лучами восходящего солнца.

Долгое время учёные спорили, когда именно зародилась тюркская вера в Вечное Небо. Многие полагали, что духовная история начинается лишь тогда, когда появляются рукописные книги. Но степь не ведала книжной тесноты: её великой книгой был сам распахнутый небосвод, а первыми храмами — священные вершины гор и курганы, устремлённые ввысь.

Археологические открытия на просторах Алтая, Тувы, Забайкалья и Семиречья открыли удивительную правду: за тысячи лет до появления первых надписей наши древние предки уже жили в глубочайшей гармонии с небесными светилами и ритмами природы.

В Уюкской котловине Тувы монументальные курганы Аржан-1 (IX–VIII века до н. э.) и Аржан-2 явили миру круговую бревенчатую архитектуру, точно воспроизводящую солярное колесо Вселенной. Конь для древнего степняка был не просто рабочим животным или военной силой: он почитался как священный солнечный спутник человека, чьё стремительное движение созвучно годовому бегу дневного светила.

В это же тысячелетие в степях воздвигались оленные камни — гранитные стелы, на которых выбивались летящие олени с ветвистыми рогами, устремлёнными ввысь к солнечным дискам. Эти камни служили первыми сакральными осями мира, соединяющими земную твердь с бескрайним Небом.

Прямой наследницей этой архаической мудрости стала великая Держава Хунну (Сюнну), объединившая степь в III веке до нашей эры под предводительством шаньюя Модэ. Китайский историограф Сыма Цянь в своих «Исторических записках» сохранил бесценное свидетельство того, как жил правитель кочевников:

«Каждое утро верховный владыка шаньюй выходит на рассвете из своего шатра и совершает благоговейное поклонение восходящему солнцу; вечером же он обращает взор на закат и совершает поклонение луне. При собраниях и пиршествах в ставке почитают восток и сидят, обратившись лицом к югу...»

Вглядись в это древнее священнодействие, и ты увидишь в нём глубокий философский смысл. Власть и авторитет человека в степи признавались справедливыми лишь постольку, поскольку его собственная жизнь была строго согласована с ритмами Вселенной. Утреннее поклонение солнцу было актом благодарного приятия дневного света, тепла и жизненной силы, пробуждающей степь. Вечерний поклон луне напоминал о законе покоя, меры и цикличности бытия.

Вход в шатёр кочевника всегда был обращён на восток — навстречу солнцу и рождению нового дня. Сам же владыка восседал лицом к тёплому югу, держа за спиной неподвижную ось ночного неба — Полярную звезду, которую степная традиция благоговейно назвала Темір Қазық — «Железный Кол». Так человек в степном пространстве становился живым компасом мироздания, стоящим на перекрестии сторон света.

В древнем трактате «Янь те лунь» («Спор о соли и железе», 81 г. до н. э.) сохранились поразительные слова о совести степняков:

«Обычай сюнну просты и не отягощены запутанными предписаниями. В управлении они держатся за суть дела, а не за внешнюю форму. Слово, данное пред лицом Неба, у них тверже любых письменных печатей...»

Именно здесь мы впервые встречаем в древних хрониках великий титул владыки степи — Чэнли гуту шаньюй. Древние летописцы поясняют: «Чэнли на их языке означает Небо; Гуту — сын или благодать; Шаньюй — великий». В языке предков это звучало как Тенгри-Кут (Tengri-Qut) — «Озарённый небесной благодатью».

Запомни это священное слово — Кут. В мировоззрении Степи благодать Кут никогда не считалась личной собственностью или привилегией рода. Это высшее доверие Неба. Человек удерживает благодать лишь до тех пор, пока живёт по совести, творит правду, защищает слабых и бережёт мир. Если же в сердце правителя поселяются алчность, гордыня и жестокость, Небо отзывает Кут. И тогда иссякают родники, наступает засуха, и власть рассыпается в прах.

Обрядовая жизнь хунну знала три великих праздника, связанных с круговоротом природы:

Первое малое собрание совершалось ранней весной, когда степь пробуждалась от зимней стужи. Старейшины благодарили Небо за перезимовавший скот и просили защиты для новорождённых ягнят.

Второе, Великое летнее собрание в пятый месяц года проходило в священном урочище Лунчэн на реке Орхон. Сюда съезжались тысячи родов, принося жертву триединому истоку жизни: Небу (Тенгри), Земле (Йер-Суб) и Предкам (Аруах).

Третье собрание приходилось на осень, когда скот нагуливал вес, и степь подводила итоги созидательного года, готовясь встретить суровые снега.

Священным металлом традиции было самородное золото — символ неугасимого солнечного света, не знающего ржавчины и тлена. Памятники сакских и хуннских курганов, такие как знаменитый «Золотой человек» из кургана Иссык и шедевры Ноин-Улы, показывают: солнце и свет почитались как зримое дыхание Небес.

А главным нравственным узлом степного общества была святость данного слова, скреплённого ритуалом Анта (Ant) — клятвы на священном железе. На вершине священной горы перед лицом открытого Неба старейшины скрепляли мир на клинке. Считалось, что сталь, рождённая из недр земли и закалённая огнём и водой, слышит клятву. Нарушителя слова ждала неотвратимая кара: его род лишался благодати, а оружие ломалось в бою.

Смерть же древние кочевники не считали мрачным концом бытия. Мерзлотные курганы Алтая — Пазырык и плато Укок — открыли захоронения коней в парадных уборах с оленьими рогами и крыльями. Смерть воспринималась как Великое Перекочёвье (Көшу) и временная разлука. Душа умершего, подобно вольной птице, улетала в небесные пастбища предков, а конь служил ей верным проводником сквозь пространства миров.

В эту же древнейшую эпоху родились три бытовых обычая, которые каждый из нас встречает и сегодня:

1. Очищение огнём (Алас) — зажжённая ветвь степного можжевельника (арчи), которой очищают жилище и колыбель от тревог и нечистых помыслов;

2. Благословение первым молоком (Сүт шашу) — окропление земли белой каплей на восток в знак благодарности за пищу;

3. Почитание порога (Босаға) — запрет наступать ногой на порог дома, ибо порог хранит мир семьи от внешнего холода и раздора.

* * *

Остановись на мгновение и вслушайся в завет древнейших предков. В нём нет ничего сложного, но в нём заключена великая сила:

- Начинай свой день с благодарности свету: выйди на рассвете, подними взор к чистому утреннему небу и вспомни, что день дарован тебе для созидания и добра.
- Относись к своему слову как к священному клинку: лучше промолчать, чем дать пустое обещание. Честность перед Небом и людьми делает твою душу неуязвимой.
- Помни, что благодать (Кут) не даётся за жадность. Чем больше ты отдаёшь тепла, заботы и помощи окружающим, тем обильнее Небо наполняет твою жизнь светом и покоем.

Глава 02. Слово на вечном камне: орхонские и енисейские памятники

«Ради тюркского народа повелел я высечь Вечный Камень (bāṅgü taş), начертал на нём эти вечные письма... Смотрите на этот вечный камень и знайте веки!»

— Памятник в честь Кюль-тегина, малая надпись, строки 11–13, 732 г.

Если ты хочешь услышать подлинный, незамутнённый голос наших предков, обратись не к пересказам поздних летописцев, а к вечному граниту.

В долине реки Орхон в Монголии и по берегам верховьев Енисея в Хакасии и Туве стоят каменные стелы, покрытые строгими клинообразными знаками — древнетюркским руническим письмом. В конце XIX века выдающиеся учёные Вильгельм Томсен и Василий Радлов взломали тайну этих знаков. И первое слово, которое прочёл Томсен на холодном камне, было слово: ТЕНГРИ.

Перед нами открылись не просто хроники военных походов Второго Тюркского каганата (682–744 гг.). Перед нами зазвучало глубочайшее религиозно-философское учение о человеке, мироздании и долге.

Стела в честь победоносного полководца Кюль-тегина открывается словами первозданной космогонии, которые должен знать каждый, кто ступает по пути традиции:

«Üze kök teṅri, asra yaγüz yer qılıntuqda, ekin ara kişi oylı qılınmış...»

— «Когда вверху возникло Синее Небо, а внизу возникла Бурая Земля — меж ними обоими сотворены были сыны человеческие...»

«Üze kök Teṅri, asra yaγüz Yer qılıntuqda, ekin ara kişi oylı qılınmış. Kişi oylınta üze eçüm aram Bumın qaγan, İstemi qaγan olurmış. Olurupan Türk bodunıñ ilin törösın tuta bermiş, eti bermiş...»

«Когда вверху возникло Синее Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними двумя сотворён был сын человеческий. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истем-каган. Сев на царство, они держали и созидали эль и закон-тёрё тюркского народа...»

Вдумайся в эту священную картину бытия!

Небо (Кёк Тенгри) и Земля (Ягыз Йер) — это не враждующие стихии. Это две великие любящие полярности сотворённого мира: бескрайний лазурный отцовский купол вверху и плодородная бурая материнская опора внизу.

А между ними поставлен «сын человеческий» (kişi oylı). Человек в тюркской мысли — это не случайная песчинка и не поработённый раб. Он — связующее звено мироздания. Его предназначение — хранить космическое равновесие, утверждать на земле справедливый Закон-Тёрё и оберегать мир своего народа.

На стеле Бильге-кагана высечена поразительная философская истина о природе времени:

«Öd Teṅri yasar, kişi oylı qor ölgeli törümiş...»

«Временем верховодит Небо; сыны человеческие все рождены смертными...»

Слово Öd в языке предков означает не пустые секунды часов, а живое, бытийное время: смену времён года, созревание трав, срок человеческой жизни. Время принадлежит Тенгри. Человек не выбирает эпоху своего рождения и не может отодвинуть предначертанный Небом предел своего земного дыхания. Но то, чем ты наполнишь это отпущенное Небом время — благородным подвигом (эрдем) или трусливым забвением совести, — всецело зависит от твоей собственной воли!

Стелы мудрого советника Тоньюкука раскрывают тайну непобедимости духа:

«Небо даровало нам силу, и потому войско моего кагана было подобно волку, а враги его — подобны овцам...»

Сила (küç) и мудрость (bilig) ниспосылаются Небом не ради гордыни, а для защиты правды и сбережения слабого.

А на берегах Енисея археологи обнаружили более ста пятидесяти надгробных stel простых витязей, вождей и старейшин. И в них нет ни тени мрачного загробного ужаса, ни стелений отчаяния. Енисейские эпитафии звучат как величественный и нежный гимн земному бытию:

«Elime, boduniıma toymadım!... Künke, ayqa toymadım!...»

«Моим народом, моей родной землёй я не насытился! Солнцем и луной я не успел наслаждаться!»

Слово *toy-* в тюркском языке означает не утробную сытость, а полноту счастья, упоение красотой живого мира. Уходя из жизни, воин благодарит Небо за каждый прожитый день, за тепло солнца, за верность коня, за смех детей и ласку супруги.

А сам уход из земного мира обозначался светлым и возвышенным словом *uça bardı* — «улетел птицей». Душа человека свободна и бессмертна: сбросив брренное тело в объятия Бурой Земли, она расправляет крылья и устремляется ввысь, к вечным истокам Тенгри.

Стелы воздвигались как Бэнгю таш (*Bängü taş*) — «Вечный Камень». Предки знали: тело истлеет, оружие заржавеет, деревянные постройки сгорят. Но слово правды, высеченное на граните, простоит тысячелетия и заговорит с потомками через века.

* * *

Памятники на вечном камне учат нас основам духовной зрелости:

- Помни своё место во Вселенной: ты стоишь ровно между Небом и Землёй. Не превозносись над землёй и не забывай поднимать глаза к Небу. Твоя миссия — не разрушать, а созидать лад.

- Цени отпущенное время: помни завет «*Öd Tenğı yasar*». Не трать драгоценные дни на мелкие обиды, пустую зависть и суету. Каждый рассвет неповторим.

- Оставь доброе имя: живи так, чтобы дела твои были чисты, как родниковая вода, и тверды, как орхонский гранит. Истинно бессмертен лишь тот, чьё имя поминают добрым словом.

Глава 03. Взгляд извне: как соседние народы открывали веру степи

«Они почитают Небо, сотворившее всё сущее, чтут огонь и воду, воспевают землю, но поклоняются единственно Тому, Кто сотворил небо и землю...»

— *Византийский историк Феофилакт Симокатта, VII в.*

Истинная вера не боится открытого взгляда со стороны. Напротив, свидетельства чужеземцев — послов, купцов, путешественников и летописцев, приходивших в степь с запада, востока и юга, — служат беспристрастным зеркалом, в котором ясно отражается величие традиции.

Когда послы могущественных империй впервые переступали рубежи кочевых просторов, они нередко ожидали встретить диких язычников, поклоняющихся рукотворным истуканам. Но каково же было их изумление, когда вместо тёмных капищ они видели людей, чьим единственным храмом был открытый купол Вселенной, а высшим законом — верность данному слову!

Древнейшим свидетельством о европейских кочевниках — гуннах — являются записки византийского дипломата и мыслителя Приска Панийского, лично посетившего ставку Аттилы в 448 году. Приск зафиксировал две фундаментальные черты степной духовности:

Во-первых, культ священного меча. По свидетельству Приска, пастух заметил, как одна из его коров поранила ногу в траве. Раскопав землю, он извлёк древний железный клинок и принёс его Аттиле. Правитель принял этот дар как знамение свыше: меч почитался как знак небесного мандата на защиту правды и объединение племён;

Во-вторых, благородную аскетическую простоту владыки. Приск с удивлением описывает пир: в то время как римские послы и военачальники пили вино из золотых и серебряных кубков, перед самим Аттилой стояла простая деревянная тарелка с варёным мясом, и пил он из деревянной чаши. Степняк знал: величие правителя измеряется не блеском драгоценной посуды, а служением народу и верностью закону предков.

Спустя столетие, в 568 году, византийский посол Земарх отправился к верховному тюркскому кагану Истеми в предгорья Тянь-Шаня. Историк Менаандр Протектор оставил первое описание древнетюркского обряда очищения огнём (Алас):

«Когда Земарх приблизился к стану, вышли тюрки, называемые людьми очищения. Они взяли поклажу послов, разложили посреди поля и зажгли ветви степного можжевельника, произнося молитвы... Они верили, что дым изгоняет всякую скверну и злой умысел. Затем они провели самих послов между двумя кострами и лишь после этого допустили к кагану...»

Войдя в ставку, византийцы увидели кагана Истеми на золотом троне, снабжённом колёсами. Трон на колёсах — поразительный символ кочевой мысли: власть не привязана к мёртвому камню одного города. Каган кочует вместе со своим народом, разделяя с ним зной лета и суровость зимних метелей.

Менаандр Протектор записал главное теологическое открытие византийцев:

«Тюрки превыше всего чтут огонь, благоговеют перед водой и землёй, воспевают воздух и горы; но поклоняются и называют Богом единственно Того, Кто сотворил Небо и Землю. Ему в жертву они приносят коней и быков, обращая молитвы к востоку...»

Хронист с безупречной точностью уловил сакральную иерархию традиции: стихии природы почитаются как живые одухотворённые творения, но высшее поклонение воздаётся исключительно Единому Небесному Создателю.

В 681–682 годах епископ Израел посетил кочевников Прикаспия. Армянский историк Мовсес Каганкатвацци сохранил бесценное свидетельство:

«Превыше всего они чтут единого владыку бытия, которого называют Тангри-хан... Они посвящают Ему священные дубравы и высочайшие деревья. Они закалывают коней, кропят землю молоком и благоговейно предстоят Небу...»

Священное дерево осмыслялось как живая ось мира (Мировое Древо), соединяющая землю с горним светом Небес.

Китайские династийные хроники «Чжоу шу» и «Суй шу» (VII в.) зафиксировали обычай ежегодных государственных молений: в середине пятого месяца (в дни летнего солнцестояния) каган собирал старейшин у священной реки и на вершинах гор для благодарения Неба за мир и приплод скота. А погребение умерших строго согласовывалось с ритмом природы: погибших весной и летом хоронили осенью, когда опадают листья; погибших осенью и зимой предавали земле весной, когда распускаются почки. Человек мыслился неотделимой частью природного круговорота.

А весной 922 года путешественник Ахмад ибн Фадлан застал кочевых огузов на плато Устюрт. Он записал возглас, вырывавшийся из груди степняка в час невзгоды:

«Если кого-либо из них постигает несправедливость или тяжкая беда, он поднимает голову к лазурному куполу Неба и восклицает: "Бир Тенгри!" [Bīr Tenḡī], что значит: "Единый Тенгри! Единый Бог!"...»

Ибн Фадлан отметил и священный экологический закон степи: суровый запрет осквернять проточную воду. Мыть грязные вещи или бросать мусор в текущую реку считалось тяжким грехом против духов Земли-Воды.

Кульминацией средневекового диалога стала беседа фламандского путешественника Гильома де Рубрука с ханом Мункэ в 1254 году. Хан произнёс бессмертные слова, выразившие степное великодушие:

«Мы веруем, что есть только единый Тенгри, Которым мы живём и Которым умираем, и к Нему мы обращаем наши чистые сердца... Но как Создатель дал руке разные пальцы, так Он дал народам различные пути к постижению истины. Живите же в мире и правде!»

* * *

- Будь прост и скромен: истинное достоинство человека — не в показной роскоши, а в чистоте сердца и верности долгу, как у древних владык Степи.

- Береги чистоту стихий: помни древний закон о запрете осквернять текущую воду. Твоё отношение к реке, роднику и дереву показывает твоё истинное отношение к Творцу.

- Когда сгущается тьма — вспомни зов предков «Бир Тенгри»: подними глаза к Небу, успокой дыхание и доверься высшей правде. Равновесие мира непременно восстановится.

Глава 04. Слово степи среди мировых учений: средневековые тюркские тексты

«Тенгрикен — так предки называют мудреца, чьё сердце причастно Небу...»

— Махмуд аль-Кашгари, «Диван Лугат ат-Тюрк», 1074 г.

В XI–XII веках тюркский мир вступил в эпоху великой книжности. Появились рукописные фолианты, процветали библиотеки в цветущих городах Баласагуны, Кашгара, Сайраме и Отраре.

Великие памятники средневековой тюркской литературы доказывают: вера и этика Степи не угасли с приходом чернил и бумаги. Напротив, они обрели классическое, высокое звучание, став этическим фундаментом для многих поколений.

Первым среди этих сокровищ стоит монументальный труд уроженца берегов Иссык-Куля Махмуда аль-Кашгари — «Диван Лугат ат-Тюрк» («Свод тюркских наречий», 1074 г.). Кашгари бережно собрал воедино живую духовную ткань кочевого мира.

Раскрывая значение слова Тенгри (Teŋri), Кашгари фиксирует его тройственную священную глубину:

1. Предвечный Творец: «Тенгри — это Всевышний Создатель, Владыка всего сущего». Кашгари подчёркивает, что слово употребляется как имя Единого Творца;

2. Видимый небосвод: Небо как зримое проявление бесконечного величия, гармонии и небесного света;

3. Священный трепет пред величием природы: «Тюрки называют словом "тенгри" всё величественное и благородное в творении — неприступную горную вершину или могучее многовековое древо, созерцая в них печать божественной силы...»

Кашгари сохранил древний титул мудреца — Тенгрикен (Teŋrikän). Это человек, чья душа настолько чиста, совестлива и созвучна высшему закону, что через него струится небесный свет.

В «Диване» Кашгари звучат древние пословицы, запечатлевшие нерушимую этику:

«Көз тойса да, көңіл тоймас» — «Глаз может насытиться пищей, но сердце ненасытно к красоте мира»;

«Ердем башы — тыл» — «Начало всякой доблести — сдержанность языка и верность слову»;

«Татсыз тюрк болмас, башсыз бёрк болмас» — «Как нет шапки без головы, так нет степняка без верности долгу».

Вторым сияющим маяком средневековой мысли стала бессмертная поэма Юсуфа Баласагуни «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание», 1069 г.). Это грандиозный этико-философский трактат, в котором древнетюркская идея благодати (Кут) соединилась с учением о справедливости (Тёрё).

Поэма построена как глубокая философская беседа четырёх образов, олицетворяющих высшие добродетели человеческой жизни:

1. Кюн-Тогды (Восходящее Солнце) — олицетворение Справедливого Закона (Тёрё). Как солнце светит одинаково всем — царю и нищему, цветку и камню, не уклоняясь с пути, так и высший Закон должен быть абсолютно беспристрастен;

2. Ай-Толды (Полная Луна) — олицетворение Благодати (Кут). Как луна растёт, сияет в полнолунии, а затем убывает, так и благодать даётся человеку во временное испытание: возгордишься — и она покинет тебя;

3. Огдюльмиш (Разум) — воплощение земной мудрости и рассудительности;

4. Одгурмыш (Пробуждённый) — образ чистого духа, отрешённости от суеты и созерцания вечности.

Баласагуни провозглашает золотое правило традиции:

«Власть проходит, богатство тает, как весенний снег. Лишь две вещи не знают тлена под солнцем: праведный закон-тёрё и доброе имя (эдгу ат), оставленное в сердцах людей...»

А в пещерах Дуньхуана на древнем Шёлковом пути археологи обрели уникальную рукопись X века — Ирк Битиг («Книга гаданий и знамений»), написанную руническим письмом на шёлковой бумаге. В ней шестьдесят пять притч о птицах, зверях, кочевниках и природных знаках.

Лейтмотивом «Ирк Битиг» через всю рукопись проходит радостное утверждение: «Ança bilinlär: ol ädgi ol!» — «Знайте сие: это благо! Всё кончится добром!». Миросозерцание предков было пронизано светлым, спокойным доверием: если человек хранит чистоту сердца (ağı bolmaq), не вредит живым существам и следует завету отцов, Небо обязательно отведёт беду и дарует мир.

* * *

- Стремись к состоянию «Тенгрикен»: держи свой внутренний взор чистым, а помыслы — прозрачными. Тот, кто соединяет свой ум с правдой Неба, никогда не заблудится в земных потёмках.

- Помни образ Кюн-Тогды: будь справедлив ко всем без исключения. Справедливость — это способность дарить тепло и защиту каждому, кто слабее тебя.

- Ищи «Благодатное знание» (Кутадгу Билиг): истинное знание делает человека скромным, добрым и терпеливым. Если знания рождают в тебе высокомерие — это не мудрость, а духовный яд.

Глава 05. Живая память: сказания, предания и эпический голос степи

«Пока звучит вещее слово сказителя, пока бьются струны кобыза — жив народ, и не прервётся нить благодати под Небом...»

— Из предания о Коркут-Ате

Письменные книги могут истлеть в огне пожарищ, гранитные стелы могут со временем расколоться под ударами бурь. Но есть храм, который невозможно разрушить внешним насилием: это живая память народа, передаваемая из уст в уста от отца к сыну, от матери к дочери.

Эпическое наследие тюркских народов — огузский «Китаби Деде Коркут», башкирский кубаир «Урал-батыр», кыргызский гигант «Манас», алтайский «Маадай-Кара», казахский и ногайский «Алпамыш», якутское «Олонхо» — это не сказки для праздного развлечения. Это священные писания номадов, запечатлевшие тайны мироздания, кодекс богатырской чести и заветы предков.

В огузской эпической книге «Деде Коркут» главным духовным наставником выступает старец Коркут-Ата — первый сказитель, создатель священного струнного инструмента — кобыза. Предание гласит: Коркут искал бессмертия, обходя все четыре стороны света, но везде встречал разверстые могилы. И тогда он понял великую истину: плоть бrenна, избежать телесного заката невозможно. Истинное бессмертие обретается лишь в служении добру, в звуках мудрой песни, соединяющей людей, и в незапятнанной памяти рода.

Струны кобыза Коркута звенели голосом священных лебедей и плачем степного ветра, разгоняя злых духов и примиряя враждующие роды. Коркут учил:

«Слово, сказанное криво, чернит лицо человека; слово, сказанное по правде, озаряет путь целому народу...»

В древнейшем башкирском кубаире «Урал-батыр» раскрывается глубочайшая философская мистерия борьбы со смертью и злом. Батыр Урал отправляется на поиски Живой Воды (Йәншишмә), чтобы даровать бессмертие роду человеческому. Пройдя сквозь огонь и бездны, сокрушив хтонических змеев и чудовищ, Урал добывает чашу с живой влагой.

Но что делает великий батыр? Он не выпивает воду сам! Он расплёскивает её на окружающую природу, на родные горы, реки и степи, восклицая:

«Пусть земля цветёт вечно! Пусть не умирает родная природа, пусть поют птицы и журчат ручьи! А человек пусть живёт добрыми делами!»

Урал-батыр приносит свою земную жизнь в жертву ради бессмертия родной земли и гармонии людей с природой. Его тело становится священными Уральскими горами, защищающими мир от северных ветров, а его дух возносится к Вечному Небу.

В кыргызском эпосе «Манас» — самой грандиозной поэме человечества — образ батыра предстаёт как образ защитника единства народа. Манас собирает «рассеянный народ в единый кулак, лоскутное одеяло соединяет в прочный шанырак».

Опорой батыра неизменно выступают благословение мудрой матери Чыйырды, совет преданной и прозорливой Каныкей и молитва к верховному Тенгри. В решающие мгновения битвы батыр обращает взор к зениту, и Небо ниспосылает ему силу духа.

В этих сказаниях конь батыра — Акбузат, Тайбурул, Байчибар — неизменно наделён разумом, даром речи и крыльями. Это не просто конь: это Тулпар, небесный брат человека, предупреждающий об опасности и выносящий раненого воина из пропасти небытия. Единство батыра и его скакуна — символ нерасторжимой дружбы человека со всем живым творением.

Эпос учит главному закону степной жизни: сила без совести есть слепая разрушительная ярость. Подлинный богатырь (Алып / Батыр) обнажает клинок только ради защиты очага,

матери, вдовы и сироты. Тот же, кто обращает силу на грабёж и притеснение слабых, теряет благодать Неба и неизбежно гибнет в бесславии.

* * *

- Будь батыром в собственной жизни: истинное богатырство — не в накачанных мышцах, а в твёрдости духа. Не бойся встать на сторону правды, даже если ты стоишь один против многих.

- Помни подвиг Урала: не ищи корыстного бессмертия для одного себя. Отдай свои силы тому, что останется после тебя — посаженному дереву, очищенному ручью, воспитанным в доброте детям.

- Слушай мудрость сказителей: учись слышать музыку природы — шум трав, журчание воды, свист ветра. В них звучит древний напев традиции, напоминающий, что ты — часть живого, дышащего и священного мира.

Глава 06. Память крови и земли: обычаи, обрядовый уклад и степное право

«Кто не знает семерых предков — тот блуждает во тьме без корней; кто чтит отцов — тот опирается на скалу вечности...»

— Степная народная мудрость

Философия Степи никогда не оставалась отвлечённой умозрительной теорией. Она была растворена в каждом движении повседневного быта, в геометрии войлочной юрты, в первом глотке белого кумыса, в строгом ритуале семейной трапезы и в священных заветах обычного права.

Краеугольным камнем степного самосознания на протяжении тысячелетий остаётся закон Жеті ата (Семь предков) у казахов, Ете быуын у башкир, Жети ата у кыргызов. Каждый мальчик и каждая девочка с малых лет обязаны были твёрдо знать имена, деяния и нравственный облик своих прямых предков по мужской линии до седьмого колена.

Этот обычай имел глубочайший биологический и духовный смысл:

Во-первых, строжайший запрет на браки внутри семи поколений одного рода гарантировал генетическую чистоту, физическое здоровье и могучую силу потомства;

Во-вторых, и это главное — память о семи предках формировала непрерывную цепь нравственной ответственности. Человек знал: за его спиной стоят семь поколений достойных отцов и матерей, берегших честь рода. Совершить подлость, украсть, предать клятву означало осквернить память всех своих дедов и навлечь несмываемый позор на головы ещё не рождённых внуков.

В центре традиционного кочевья стояла юрта (кийиз үй / тирмэ) — совершенная модель Вселенной.

Круг юрты повторял горизонт открытой степи;

Сферический купол воспроизводил шатёр лазурного Неба;

Круглое верхнее отверстие — шанырак (санырау / түндүк) — служило небесным окном, через которое солнечные лучи освещали очаг, а дым молитв возносился прямо к звёздам. Шанырак почитался как величайшая святыня семьи: его бережно передавали младшему сыну (кенже), хранителю родового очага. Пожелание «Шанырағың биік болсын!» («Да будет высок твой шанырак!») означало пожелание вечного благоденствия и мира дому.

Священным центром юрты был очаг (ошак). Огонь домашнего очага почитался как живое тёплое женское божество — От-Ана (Мать-Огонь). В огонь строго возбранялось лить воду, бросать мусор или касаться пламени остриём ножа. Считалось, что мир в семье держится на уважении к огню: когда в юрте возникал спор, старейшина молча указывал на тлеющие угли, и спорщики замолкали, стыдясь осквернить святыню гневными речами.

А межой, отделяющей дом от внешнего мира, служил порог (босаға). Порог осмыслялся как граница родового космоса. На порог нельзя было наступать ногой или садиться на него: переступить порог надлежало с правой ноги, с открытой головой и миром в душе. Сказать «порогом клянусь» (босағамен ант етейін) было равносильно священной присяге.

Правопорядок в кочевом обществе держался на авторитете обычного права (Тёрё / Адат / Жеті Жарғы) и мудрости биев — народных судей.

Суд биев был открытым состязанием совести и красноречия под открытым Небом. Бием мог стать только тот, кто обладал безупречной честностью, кристальной репутацией и непрекаемым авторитетом в народе. Золотое правило суда биев гласило:

«Таспен атқанды аспен ат» — «В того, кто бросил в тебя камень, брось угощение»;

«Жарлы болсаң да, арлы бол» — «Будь беден имуществом, но богат честью»;

«Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» — «У праведного судьи нет родственников; у судьи, потекающего родне, нет совести пред Небом».

Главной целью правосудия было не физическое насилие или тюремное заточение (в степи не было ни тюрем, ни палачей), а восстановление нарушенного лада, примирение враждующих родов через справедливое возмещение ущерба (кун) и очищение души раскаянием.

* * *

- Узнай свои корни: найди время и расспроси старших о своих предках. Запиши их имена, кем они были, какие испытания прошли. Человек, знающий свой род, обретает за спиной несокрушимую стену духовной поддержки.

- Береги свой домашний очаг: сделай свой дом местом тишины, уважения и любви. Не приноси через порог злобу и раздражение внешнего мира. Пусть тепло твоего очага согревает каждого, кто входит в твой дом.

- Суди по совести: если между тобой и близкими возник спор, не стремись победить любой ценой. Стремись к правде и миру. Прощение и примирение требуют неизмеримо большего мужества, чем слепая вражда.

Глава 07. Межа истины: подлинная традиция и очищение от вымысла

«Слово правды подобно солнечному лучу: оно не боится пыли веков и не нуждается в чужих прикрасах. Тот, кто приписывает предкам вымышленные законы, крадёт у них их подлинное величие...»

— Из размышлений о Законе Тёрё

Завершая первую книгу, посвящённую истокам и свидетельствам, мы должны остановиться на самой важной духовной меже — меже между правдой и вымыслом.

Каждый, кто начинает изучать веру предков, неизбежно сталкивается с опасным соблазном. Наш современный ум, привыкший к готовым книжным шаблонам и сводам догматов, часто ищет в древней Степи то, чего там никогда не было: строгие параграфы катехизисов, вымышленные «десять заповедей Тенгри» или сложные мистические ритуалы, придуманные современными авторами.

Но подлинный философ и искренний искатель истины должен обладать строгой духовной трезвостью. Подлинная традиция не нуждается в фальшивой позолоте. Её истинное величие — в кристальной чистоте и простоте.

Давай же честно проведём границу и ясно назовём: что нам известно о вере древних тюрков абсолютно достоверно, а что является позднейшими домыслами, от которых необходимо решительно очистить сознание.

ДОСТОВЕРНОЕ ЯДРО ТРАДИЦИИ:

1. Почитание Тенгри (Вечного Синего Неба) как верховного бестелесного Творца, высшего Разума, дарователя жизни и владыки судеб. Это подтверждено сотнями синхронных надписей на камнях, древними хрониками и живым языком;

2. Почитание Великой Триады начал: Небесного Отца (Тенгри), Материнского покровительства (Умай) и Священной одухотворённой природы (Йер-Суб);

3. Институт благодати (Кут) — осознание того, что сила, здоровье, власть и счастье даются человеку Небом исключительно как долг и ответственность за других, и отзываются при несправедливости;

4. Вселенский Закон-Тёрё — вера в нерушимый космический и нравственный порядок, которому подчинено всё сущее;

5. Святость совести и данного слова — присяга на верность (Ант), неподкупный суд по правде и приоритет доброго имени (Эдгу ат) над материальным богатством;

6. Неразрывное единство с предками (Аруах) — ощущение себя живым звеном в цепи поколений;

7. Отсутствие рукотворных идолов и храмов — благоговейное признание открытого купола природы единственным истинным алтарём Создателя.

ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ВЫМЫСЛОМ И НОВОДЕЛОМ:

- Вымышленные «догматические священные книги древних тюрков»: у предков не было застывшего бумажного канона, их книгой было само мироздание;

- Искусственные «заповеди Тенгри», сформулированные в подражание чужим религиям: традиция учила не через абстрактные списки запретов, а через живой пример отцов, совесть (уят), пословицы и вековой закон-тёрё;

- Попытки превратить веру в Тенгри в агрессивный националистический манифест или повод для превозношения над другими народами: Тенгри — Небо над всей землёй, и солнце светит каждому человеку. Истинная традиция чужда шовинизма и высокомерия;

- Окультизные манипуляции и псевдошаманские спектакли: древнее предстояние перед Небом было строгим, спокойным, трезвым и открытым, без экстатического безумия и тёмного суеверия.

Если о каком-то древнем обряде или слове источники не сохранили прямых свидетельств, честный наставник спокойно говорит: «Об этом у нас нет точных данных». И в этом признании нет слабости — в нём заключается подлинная научная добросовестность и уважение к памяти отцов.

Традиция Тенгри сильна не мёртвыми догматами, а живым духом. Она сохранилась потому, что отвечала на главные вопросы человеческой совести: как быть человеком чести, как любить родную землю, как не потерять человечность среди испытаний.

Очистив взор от наносных иллюзий и современных подделок, мы готовы перейти ко второй ступени нашего пути — к познанию того, как древние мудрецы созерцали устройство Неба, Земли и великих сил Вселенной.

* * *

- Ищи правду, а не красивые сказки: не верь тем, кто обещает лёгкие чудеса или придумывает древние откровения ради моды. Подлинная мудрость всегда скромна, проста и требует внутренней работы над собой.

- Проверяй любое учение его плодами: если учение сеет в твоём сердце злобу, гордыню или презрение к другим — отвернись от него. Истинный свет Неба рождает в душе мир, доброту, ответственность и благодарность.

- Будь честен перед собой: признать «я не знаю» — первый шаг к подлинному знанию. На этом твёрдом камне честности мы продолжим наш путь под лазурным куполом Тенгри.

Книга II. Небо и мир: теология и космология

Глава 08. Тенгри: священное небо, образ творца и исток бытия

«Небоподобный, на Небе зародившийся тюркский Бильге-каган... По соизволению Неба и потому, что была у меня благодать [кут], воссел я каганом, дабы возродить народ!»

— Большая надпись в честь Кюль-тегина / стела Бильге-кагана, 732–735 гг.

Зримым ликом и метафизическим истоком всей степной традиции, её сокровенным смыслообразующим горизонтом выступает теоним Тенгри (Täŋri / Teŋri). В этом изначальном слове запечатлена не просто вера в высшие силы, но целостное созерцание мироздания, где Небо мыслится как высшая направляющая воля, праведный Закон и животворящий Свет бытия.

В историографии XIX и XX веков понятие Тенгри неоднократно становилось жертвой взаимоисключающих исследовательских крайностей:

1. Эволюционистский редукционизм: Сведение верховного божества древних кочевников к «примитивному обожествованию физического атмосферного купола» либо растворение его в стихии саяно-алтайского шаманизма, где Небо низводилось до статуса одного из многочисленных духов верхнего мира.

2. Попытка навязать чуждые догматы: Попытка представить древнетюркское мировоззрение в виде готового книжного монотеизма ближневосточного образца с приписыванием кочевникам абстрактной схоластики, фиксированных догматов и вымышленных моральных кодексов.

Подлинный историко-философский анализ требует принципиально иной исследовательской оптики. Вера в Тенгри не была ни примитивным анимизмом, ни заимствованной догматической системой. Это был оригинальный, органично выросший из степного бытия способ постижения целостности Вселенной — сокровенная вера в Небо, пребывающее во всём сущем и превыше всего, в котором видимый физический купол являлся зримым ликом невидимого, всеобъемлющего и справедливого Первоначала.

Фундаментом для реконструкции теологии Тенгри служат аутентичные синхронные тексты Второго Тюркского каганата (682–744 гг.), высеченные на гранитных и мраморных стелах в долине реки Орхон и бассейне Селенги.

Первая строка Большой надписи в честь Кюль-тегина открывается формулой, задающей великий вселенский порядок всего мироздания:

«Üze kök teŋri, asra yaŋız yer qılınuqda, ekin ara kişi oŋlı qılınmış. Kişi oŋlınla üze eçüm aram Bumın qaŋan İstemi qaŋan olurmış...»

— «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Бурая Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган...»

Грамматический строй этой фразы чрезвычайно показателен. Глагольная форма qılınuqda / qılınmış представляет собой страдательно-возвратный залог от древнетюркского глагола qıl- (делать, творить, созидать). Небо (Kök Teŋri) и Земля (Yaŋız Yer) предстают как две первичные полярности сотворенного бытия — верхняя лазурная твердь и нижняя бурая опора. Между ними помещен «сын человеческий» (kişi oŋlı), чье предназначение — удерживать космическое равновесие под властью каганов, учреждающих закон предков (törö).

В строке 29 той же надписи прямо указывается источник воинской доблести и государственной дееспособности:

«Teŋri küç bertük için qaŋım qağan süsi bōri teg ermiş, yaŋısi qoy teg ermiş...»

— *«Так как Небо даровало силу, войско моего отца-кагана было подобно волкам, а враги его были подобны овцам...»*

Понятие *küç* (мощь, жизненная сила, энергия действия) не является имманентным свойством человека. Оно не принадлежит кагану по праву плотского рождения. Эта сила ниспосылается свыше исключительно как доверие Неба правителю, выполняющему свой космический долг.

В эпитафии Бильге-кагана (строка 10) зафиксировано одно из самых глубоких философских суждений древнетюркской мысли:

«Öd Teŋri yasar, kişi oyli qor ölgeli törümüŝ.»

— *«Временем верховодит Небо; сыны человеческие все рождены, чтобы умереть»).*

Лексема *Öd* в древнетюркском языке означает не абстрактную математическую длительность, а качественное, бытийное время — срок жизни, смену космических циклов и времен года. Глагол *yasa-* несет значение «устроить, распределять, приводить в порядок, устанавливать закон».

Небо здесь предстает не просто пространственным куполом, а владыкой времени. Оно отмеряет меру бытия каждому существу. Смертность человека признается естественным естественным законом (*törümüŝ* — возникший по закону), перед которым равны и бедный пастух, и могущественный каган.

Универсальный характер почитания Тенгри подтверждается тем, что синхронные свидетельства о нем обнаруживаются на огромном пространстве от Балкан до Ближнего Востока.

В первой столице Дунайской Болгарии — Плиске — была найдена каменная триумфальная колонна огузских булгар с грекоязычной надписью хана Омуртага (814–831 гг.):

«...KANASŪBIGI OMOŪRTAG... ΘΕΟΣ ΤΑΓΓΡΑ...»

«...Канасюбиги Омуртаг... Бог Тангра...»

Буквосочетание гамма-гамма (ГГ) в среднегреческой эпиграфике передавало велярный носовой согласный звук [ŋ], что дает точную транслитерацию тюркского *Tangra* / *Teŋri*. Титул *Kanasubigi* («Хан, поставленный от Бога / от Неба») демонстрирует полное соответствие орхонской формуле *Teŋridä bolmıŝ* («рожденный/утвержденный в Небе»). На западной оконечности тюркского мира, на границе с Византийской империей, теоним Тенгри сохранял тот же высший теологический ранг.

Арабский дипломат и секретарь посольства багдадского халифа Ахмад ибн Фадлан, пересекший прикаспийские степи и плато Устюрт весной 922 года, оставил бесценное описание религиозного возгласа кочевых гузов (огузов):

«Если кого-либо из них постигает несправедливость или тяжкая беда, он поднимает голову к небу и восклицает: "Бир Тенгри!" [*Bir Teŋri*], что значит: "Единый Бог!", ибо бир — это один, а Тенгри на языке тюрк — Всевышний Бог».

Ибн Фадлан зафиксировал естественную теологическую реакцию степняка: при крушении земной справедливости, когда бессилён суд людей, взор человека устремляется в зенит к Единому Небу.

В словаре «Диван лугат ат-турк» великий караханидский ученый XI века дает развернутое определение слова:

*«Тенгри [Teŋri] — Всевышний. На языке язычников-тюрк Teŋri означает само небо; точно так же они называют словом Teŋri все грандиозное и возвышенное, поражающее разум, как величественную гору или исполинское дерево, и почитают их за священные знаки... А мудрого, богобоязненного, справедливого и праведного мужа они именуют *tengrikän* [богоподобный].»*

Кашгари фиксирует двуединство семантики: Тенгри — это и Первопричина бытия, и видимое небо, и проявление величия Творца в земных ландшафтах (теофания в исполинских деревьях и скалах).

Этимология теонима Теңгі / Tängri исследовалась виднейшими компаративистами — В. Томсен, В. В. Радловым, Дж. Клаусоном, Г. Дёрфером и А. В. Дыбо.

Пратюркская основа корня реконструируется как *\teŋ-* (быть равным, соразмерным, справедливым, уравнивать; ср. древнетюркское *teŋ* — равный, одинаковый, мера).

От этой же основы происходят:

teŋ-le- — взвешивать, судить по правде, соизмерять;

teŋ-deŋ — ровня, соратник, равный по чести;

teŋ-lik — равенство, равновесие, баланс.

Аффикс *-gi / -gu* в архаическом тюркском языке маркировал направленность в пространстве и статус пребывания в высшей сфере (ср. *il-geri* — вперед/на восток, *yüǵa-gi* — ввысь).

Таким образом, на глубинном лингвистическом уровне теоним Тенгри означает не просто физическую высь, а Космическое Равновесие, Воплощенную Мэру и Верховную Справедливость. Небо потому правит миром, что оно абсолютно соразмерно и беспристрастно.

Одной из самых поразительных черт культа Тенгри, зафиксированной всеми независимыми источниками, является полное отсутствие рукотворных храмовых зданий и антропоморфных кумиров.

1. Принципиальная неизобразимость:

Ни в одном синхронном тексте — от ханьских хроник Сыма Цяня до записок византийца Менандра и отчетов Рубрука — не зафиксировано скульптурного изображения Тенгри. Попытка вырезать, вылепить или отлить Небо в образе человека либо зверя считалась святотатством. Всеохватывающее Небо не имеет границ, а потому не может быть заключено в форму. Каменные изваяния (балбалы и көк-тасы), во множестве рассеянные по степям Евразии, изображали исключительно павших витязей, героических предков или побежденных врагов, но никогда — верховного Творца.

2. Открытый горизонт как алтарь:

Единственным храмом, достойным Тенгри, признавался сам открытый купол мироздания. Точками наивысшей близости к Небу выступали горные вершины — священная гора хунну Бодэншан, отюкенские скалы тюркских каганов, шиханы Южного Урала (Торатау, Юрактау), вершины Улытау и Хан-Тенгри на Тянь-Шане.

3. Обряд моления:

Моление Тенгри совершалось на возвышенностях лицом к востоку, навстречу восходящему солнцу. Молящийся обнажал голову, расстегивал пояс (знак отказа от оружия и готовности предстать нагим духом перед Небом), воздевал ладони к зениту и произносил прошение вслух, без помощи жреческой касты.

Живая традиция почитания Неба не исчезла со сходом с исторической сцены Тюркского каганата, а органично вошла в структуру народного самосознания казахов, башкир, татар, киргизов, алтайцев и других тюркских народов.

В казахском обычном праве (заң, әдет) и языке теоним Тәңір на протяжении столетий сохранял статус верховного этического судии.

В ситуациях, когда свидетельское право заходило в тупик и человек не мог доказать свою невиновность земным судом, он произносил формулу:

«Тәңір бар!» — «Тенгри есть! Небо видит правду!»

Эта формула означала готовность принять прямой небесный суд. Ложная клятва перед лицом Тәңір считалась неотвратимым родовым проклятием, поражающим потомство до седьмого колена.

Народная поговорка, зафиксированная Чоканом Валихановым и Серали Лапиным, гласит:

«Күдайдан қорықпағаннан қорық, Тәңірден ұялмағаннан ұял»

«Бойся того, кто не боится внешней кары; стыдись того, у кого нет стыда перед Небом»).

Здесь понятие ұят (внутренний стыд, совесть) напрямую связывается с предстоянием перед всевидящим оком Неба.

В этнографическом фонде башкирского народа, подробно исследованном Р. Г. Кузеевым и Ф. Г. Хисамитдиновой, зафиксирован архаический термин Оло Тәңре (Великий Тенгри).

Во время весенне-летних обрядовых молений Теләк, проводившихся на вершинах сакральных гор-шиханов, старейшины родов обращались к Небу с мольбой о даровании дождя, мира родам и умножения жизненной субстанции — кот:

«И, Оло Тәңре, ергә йәм бир, илгә бәрәкәт бир, балаларға кот бир!»

«О, Великий Тенгри, даруй земле красоту, народу — изобилие, детям — благодатную жизненную силу кут!»).

В башкирском эпосе «Урал-батыр» верховным владыкой небесного яруса выступает царь птиц Самрау, чьи черты сохраняют древнейший образ благого небесного первопредка, чуждого насилию и требующего от батыра очищения земного мира от скверны и зла.

В осмыслении онтологического статуса Тенгри раскрывается глубочайшая интуиция Небесного Творца. С одной стороны, вера степных кочевников являет собой древнейшее предчувствие Небесного Отца-Творца, пребывающего вне материального мира, всеведущего и справедливого. С другой стороны, священная традиция каганата не замыкалась в абстрактной схоластике: рядом с верховной волей Тенгри благоговейно почитались богиня плодородия и материнства Умай и священная ткань родной земли — Йер-Суб.

Выдающийся религиовед Мирча Элиаде рассматривал веру степных народов как ярчайший пример «Urmonotheismus» — древнейшей интуиции Небесного Отца-Творца, пребывающего вне материального мира, всеведущего и справедливого, который со временем уступает место более динамичным культам стихий, но вновь выходит на авансцену в эпохи великих исторических потрясений.

«Teŋri, Umay, ĭduq Yĕr-Sub basa berti erinç...» («Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали победу...»).

Перед нами стройная иерархическая триада, в которой Тенгри занимает безусловное верховное положение первоначала, определяющего судьбы каганата, тогда как Умай и Йер-Суб ведают витальными силами земного и родового бытия.

Разграничение с шаманизмом (Ч. Валиханов, Д. Банзаров):

Еще в середине XIX века первые бурятские и казахские просветители Доржи Банзаров («Черная вера, или шаманство у монголов», 1846) и Чокан Валиханов («Следы шаманства у киргизов», 1861) категорически развели культ Неба и камлания шаманов (баксы, камов). Шаман обращается к духам предков, нижнего мира или стихийным силам для исцеления конкретной болезни или предсказания; обращение же к Тенгри являлось всенародным, открытым священным предстоянием без экстатического транса и посредников.

На основе сопоставления эпиграфики, лингвистики и этнографии раскрывается трехчастное философское ядро теологии Неба:

Небо объемлет все сущее: человек дышит его воздухом, ориентируется по его светилам, пьет воду, ниспосланную в виде дождя. Небо близко каждому вздоху, но в то же время оно недостижимо высоко, вечно и непреложно. Это присутствие Творца во всем сотворенном при сохранении Его абсолютного суверенитета.

Тенгри чужд эмоционального каприза. Он не требует лстивого славословия, не подкупается пышными приношениями и не меняет законов бытия ради капризов смертных.

Единственное, что связывает человека с Небом — это верность Закону Тёрё (Törö) и чистота помыслов (arǵu bolmaq). Всякое нарушение данного слова, клятвопреступление, угнетение слабого и разрушение мира оборачиваются немедленным отнятием благодати (кут). Небо карает не из гнева, а по закону восстановления нарушенного равновесия.

Поскольку Небо едино над всей землей и шатер Вселенной открыт во все стороны горизонта, культ Тенгри порождал в номаде глубокое чувство личной свободы и онтологического достоинства.

Степняк не знал рабского пресмыкательства перед закрытым храмом или жреческой корпорацией. Предстоя перед открытым Небом на вершине кургана, каждый свободный скотовод ощущал себя прямым сыном мироздания, обязанным отвечать за свой род, свою землю и свою честь.

В тесном пространстве искусственных мегаполисов и светящихся экранов человек легко утрачивает сопричастность космической беспредельности, сводя смысл жизни к сиюминутному потреблению. Однако чистый взор, обращенный к Небу, мгновенно восстанавливает истинную шкалу бытия: человек вспоминает, что он — не случайная пылинка, а живая мыслящая сердцевина огромного, одухотворенного космоса.

Вместе с тем принцип безусловного предстояния пред Небом освобождает человеческую этику от внешнего надзора и страха перед земными карами. Человек поступает по правде не из боязни перед стражей, а потому, что каждый его поступок совершается под всеобъемлющим оком Тенгри, от которого невозможно скрыть лукавство. Наконец, осознание себя помещенным меж Голубым Небом и Бурой Землей утверждает предельный экологический императив: Земля — не поле для алчной эксплуатации, а священное подножие Неба (İduq Yêr-Sub), нарушение равновесия которого оборачивается неминуемой катастрофой для сынов человеческих.

Каким образом в сознании древних тюрков соединялись видимое физическое небо — солнце, луна, созвездия, грозовые тучи — и невидимый, вечный трансцендентный Свет, дарующий дыхание всему существу? Почему полярная звезда почиталась как «Железный Кол», удерживающий мироздание, и какова была карта ночного неба в представлениях степных астрономов и мудрецов?

* * *

- Осознавай присутствие Высшего: Тенгри не заперт в каменных стенах. Где бы ты ни находился — в поле, на горной тропе или в комнате, — Небо видит каждый твой вздох и знает тайну твоего сердца.

- Держи помыслы в чистоте (arǵu bolmaq): Небо нельзя подкупить дарами или пустыми обещаниями. Единственное, что приятно Тенгри, — это праведная жизнь, верность правде и сострадание к слабому.

- Обрети внутреннюю свободу: стоя перед бескрайним Небом, не бойся земных владык и суеты. Ты — сын Вселенной, наделенный честью и достоинством.

Глава 09. Небо видимое и небо сокровенное: купол мира и высший порядок

«*Latin: Caelum — Persicum: Asman — Cumanicum: Kök.*»

— «*Codex Cumanicus*», Венецианская рукопись, л. 66r, 1303 г.

Одной из самых тонких и спорных проблем тюркологии на протяжении двух столетий оставалось соотношение между видимым физическим небом и верховным Божеством номадов. В трудах позитивистов XIX века бытовало поверхностное суждение, будто кочевники древности находились на стадии «наивного натурфилософского фетишизма»: не будучи способны к абстрактному мышлению, они якобы буквально обожествовали синий цвет атмосферы, грозные тучи и физический воздух.

Однако тщательный лингвистический анализ первоисточников — от орхонских стел VIII века и словаря Махмуда аль-Кашгари XI века до кыпчакско-половецкого кодекса XIV века — открывает поразительную строгость понятийного аппарата традиции.

В сознании степняка никогда не происходило слепого смешения природной материи и духовного Первоначала. Традиция четко различала видимое небо (Kök) — сотворенный, физический купол вселенной,местилище светил и источник атмосферных осадков, и Тенгри (Tengri) — невидимого, трансцендентного Творца, наделяющего космос порядком, дарующего каганам благодать (кут) и управляющего человеческой судьбой.

Неопровержимое доказательство этого понятийного разделения сохранил уникальный памятник западнотюркской письменности — «*Codex Cumanicus*» (рукопись библиотеки собора Святого Марка в Венеции, датированная 1303 годом). Созданный в низовьях Волги и в Крыму для нужд купцов и миссионеров, контактировавших с кыпчаками Дешт-и-Кыпчака, кодекс фиксирует трехязычные терминологические соответствия на латинском, персидском и половецком языках.

На листе 66r рукописи читаем строгие словарные параллели:

Для понятия физического неба, небосвода:

Latin: Caelum — Persicum: Asman — Cumanicum: Kök.

Для понятия Всевышнего Бога, Творца:

Latin: Deus — Persicum: Choda — Cumanicum: Tengri.

Разведение этих двух сфер в живой речи половец было абсолютным. Тюрк-кыпчак никогда не называл Бога словом Kök, точно так же как физический атмосферный купол никогда не обозначался словом Tengri. Слово Kök указывало на пространственную твердь, цвет и космическую сферу; слово Tengri указывало на суверенную Волю, Разум и Первопричину.

Когда в том же кодексе (лист 69v) переводчики передавали молитву на половецкий язык, первая строка звучала так:

«Atamiz kim köktesin, alyışli bolsun senin atın, kelsin senin xanlıyın...»

«Отче наш, пребывающий на небесах [köktesin], да святится имя Твое, да приидет царствие Твое...»).

Здесь пребывание Бога в высшей сфере выражается формой местного падежа от основы kök (көкте — на небе), тогда как Сам Он выступает трансцендентным Владыкой, не тождественным материалу небесного купола.

В фундаментальном словаре тюркских наречий «Диван лугат ат-турк» (1074 г.) Махмуд аль-Кашгари с присущей ему филологической точностью фиксирует семантическую структуру слова kök:

1. Kök — это видимый лазурный свод:

«Kök qabağı — небесный купол, небесная твердь, вознесенная над землей».

2. Kök — это первородный цвет: лазурь, синева, цвет чистой воды и ясного дня.

3. Kök — это корень, глубинное родовое происхождение (ср. современное көк / төркін — исток, ствол, родовая глубина).

Комментируя случаи, когда кочевые тюрки применяли эпитет *teŋri* к исполинским горам или грандиозным вековым деревьям, Кашгари делает глубокое богословское замечание: тюрки называют их так не потому, что считают само дерево или скалу Богом-Творцом, но потому, что созерцают в их мощи и непоколебимости явленный след божественного величия (*teŋrikän*). Это форма благоговения перед творением, отражающим величие своего Создателя.

В рунических текстах орхонских каганов и енисейских памятников видимое небо предстает не как хаотическая пустота, а как строго организованная, кристаллическая система координат.

Осевым центром видимого неба для всех кочевых народов Евразии являлась неподвижная Полярная звезда, именовавшаяся в древнетюркских текстах *Altan Qasıq* («Золотой Кол»), а в более поздних традициях степных и лесостепных тюрков — *Temir Qazuq* / Тимерказык / Темир казык («Железный Кол»).

В мифопоэтической и практической астрономии Степи Полярная звезда мыслилась как космическая коновязь, вбитая верховным Небом в самую макушку мирового купола:

К этой неподвижной коновязи невидимой небесной уздой привязаны созвездия;

Две яркие околополярные звезды созвездия Малой Медведицы осмыслились как два священных небесных коня — белый и сивый (*Aqbozat* и *Kökbozat* / башк. Акбузат менән Күкбузат);

Созвездие Большой Медведицы — *Jeti Qaraqçı* / Жетіқарақшы («Семь разбойников») — мыслилось как семерка преследователей, кружащих ночь за ночью вокруг коновязи, пытаясь настичь и похитить священных коней.

Эта астрономическая модель имела первостепенное практическое и сакральное значение:

Практически: Полярная звезда служила абсолютным навигационным ориентиром в бескрайних ночных переходах по пустыням и степям;

Сакрально: Вход в войлочную юрту кочевника всегда ориентировался строго на юг либо восток, так что задняя, самая почетная стена шатра (*төр* / *төр*) оказывалась обращенной на север — под незримое покровительство неподвижной Небесной Оси.

Дневное светило — Солнце (*Kün*) — почиталось как зримое око Тенгри, источник живительного тепла, созидающего растительный и животный мир. Как мы видели из свидетельств Сыма Цяня об императорах хунну, утренний поклон солнцу был первым священным долгом правителя.

Ночное светило — Луна (*Ay*) — мыслилось как хранительница времени, сокровенных циклов женского плодородия и ритмов кочевания. Фазы луны определяли сроки созыва курултаев, заключения мирных договоров и перекочевков на новые пастбища.

Уникальный архаический пласт представлений о многоярусности видимого и невидимого неба сохранился на северо-восточной периферии тюркского мира — в якутском героическом эпосе Олонхо («Ньургун Боотур Стремительный», зафиксированном П. А. Ойунским):

1. Үөһээ Дойду (Верхний Мир):

Небо в Олонхо делится на девять концентрических ярусов (халлаан). Каждый ярус обладает собственной плотностью, цветом и населен благими духами — божествами Айыы.

2. Үрүҥ Айыы Тойон (Белый Творец-Господин):

На самом высшем, девятом ярусе, в ослепительном молочно-белом сиянии восседает верховный демиург — Белый Творец Юрюҥ Айыы Тойон. Он невидим для смертных глаз, пребывает в абсолютном покое и гармонии, не вмешиваясь в повседневную суету, но поддерживая само бытие мироздания.

3. Белый конь как символ Небесного Света:

В жертву Юрюнг Айы Тойону и светлым духам Айыы никогда не приносили кровных жертв с насилием. Единственным истинным даром Небу являлся обряд Ысыах — кропление перебродившим кобыльим молоком (кумысом) в сторону восхода солнца и посвящение Небу живого белого скакуна (ытык ат), на которого после обряда никто не смел садиться верхом.

Этот северо-восточный реликт сохранил то же глубинное понимание, что и орхонские стелы: верховное Небо — это сфера белого света, созидания и жизни, абсолютно противоположная мраку, скверне и распаду.

В живой этнографической памяти тюркских народов — казахов, киргизов, башкир, татар, хакасов и саха — различие между материальным физическим небом и предвечным Создателем сохранялось с безупречной ясностью вплоть до Новейшего времени.

В казахском языке видимое физическое небо обозначается словом Аспан (восходящим к древнеиранскому āsmān через шелкопутные контакты) либо автохтонным термином Көк (лазурный свод, зенит).

При этом Всевышний Творец именуется исключительно Тәңір (или народным Құдай). В казахской речи невозможно услышать оборот: «Пошел дождь из Тенгри» или «На Тенгри набежали тучи». Дождь идет с неба (аспаннан / көктен жаңбыр жауды), тучи заволакивают небосвод (аспанды бүлт торлады). Но когда человеку требуется восстановить поправленную правду или воззвать к высшей совести, он говорит:

«Тәңір көріп тұр!» — «Тенгри видит все содеянное!»

«Тәңірге тапсырдым» — «Вверяю суд Небесному Владыке».

Видимое небо — это место действия атмосферных явлений; Тенгри — духовный Гарант мирового равновесия.

В башкирской традиции, детально документированной Ф. Г. Хисамитдиновой и Р. Г. Кузеевым, слово Күк означает физическую высь, лазурь, небосвод. В обрядовой практике моления на шиханах старейшины обращались к Богу формулой:

«И, Күктәге Оло Тәңре!» — «О, пребывающий в Небесах Великий Тенгри!»

Священный купол неба признается престолом и обиталищем Творца, но не Самим Творцом. Небосвод — это священный шатер, раскинутый над человеческим родом, внутри которого горит огонь жизни.

В созерцании природы Неба переплетаются два глубоких религиозно-философских взгляда. Для древнегономада видимый физический купол был не мертвой материей, а одушевленной космической целостностью. В то же время в эпитафиях Небо выступает как высший разумный субъект: оно соизволяет, дарует жизненные силы, ведает сроками человеческого бытия и карает вероломство. Видимое небо и невидимый Творец пребывали в неразрывном священном единстве.

Французский исследователь Жан-Поль Ру в труде «Религия тюрков и монголов» (1984 г.) утверждал, что для архаического сознания кочевника не существовало разделения на дух и материю. Небо, по Ру, было «живым организмом», а Тенгри являлся не трансцендентным духом за пределами космоса, а одушевленной космической целостностью. Лишь под воздействием мировых религий тюрки якобы начали отделять Бога от физического купола.

Сергей Григорьевич Кляшторный убедительно возражал концепции Ру, опираясь на синтаксический анализ древнетюркских эпитафий. В надписях Кюль-тегина и Бильге-кагана Небо выступает как субъект воли: оно «дарует силу» (küç bertük üçün), «ведает сроками времени» (Öd Tеңгі уasar), «карает предателей» и «гневается». Неодушевленная или чисто натурфилософская стихия не может обладать гневом, справедливостью и нравственным выбором. Уже в VIII веке образ Тенгри обладал чертами высочайшей духовной разумности.

Синтез этих подходов приводит к выводу: древнетюркское мировоззрение представляло собой органический панэнтеизм. Небо физическое являлось видимым покровом, телом и явле-

нием (теофанией) невидимого Тенгри. Кочевник благоговел перед лазурным куполом именно потому, что через него открывался непостижимый Свет Творца.

Онтологическая архитектура тюркской традиции раскрывается не в механических схемах, а в строгой восходящей иерархии созерцания. В ней нет разрыва между физическим миром и духом, но есть ясная градация бытийной глубины.

Начальной ступенью выступает видимый атмосферный свод — Көк / Аспан. Это зримый покров вселенной, сменяемость света и тьмы, движение облаков и ветров, животворящая влага весенних дождей, пробуждающая степной ландшафт. Дляномада эта лазурная чаша священна уже потому, что она поддерживает дыхание биосферы, являясь непосредственным источником земной жизни.

Второй ступенью становится сакральная геометрия светил — небесная ось мира. В неподвижном сиянии Алтын Казыка (Полярной звезды) кочевник прозревает вечный центр вращения мироздания. Звезды вокруг него — не хаотичные искры, а табуны небесных коней и стражи космического равновесия. На этом уровне Небо предстает как совершенный ритм, дарующий ориентиры пути, смену календарных сезонов и меру пространства.

Наконец, предельной и всеобъемлющей вершиной созерцания является Тенгри как надмирное, трансцендентное Первоначало. Пребывая над сотворенным куполом, Он наполняет его Своим незримым присутствием. Тенгри — не физическое вещество неба, но Источник самого Бытия, Держатель высшего нравственного порядка (Törö), Дарователь животворящей благодати (Qut) и нелицеприятный Владыка священного времени (Öd). Мир предстает как живой шатер, в котором физическая лазурь служит зримой завесой предвечной Тайны.

Различение видимого небосвода и трансцендентного Тенгри перестает быть фактом академической археологии, когда мы обращаемся к трагедии человека современной эпохи.

Современная цивилизация оказалась пленницей плоской горизонтали. Человек замкнут в геометрии искусственных помещений, автомобильных магистралей и мерцающих экранов; его зрение отучено от простора, а сознание лишено переживания вертикали. В этой сугубо горизонтальной суеизбежно рождается экзистенциальная слепота: забывая о Небе над головой, человек теряет подлинный масштаб собственного бытия и воображает себя единственным хозяином мира.

Взгляд в зенит, сохраненный тюркской традицией, совершает онтологический переворот в душе. Предстоя перед открытым простором, человек внезапно осознает, что над его тревогами и страстями раскинут вечный купол Правды. Принцип совести перестает быть абстрактным правилом: степное сознание живет знанием того, что всякое земное дело совершается перед всевидящим оком Создателя («Тәңір көріп тұр!»), от которого невозможно утаить кривду.

Из этого благоговения перед лазурной высью рождается и подлинное экологическое сознание. Небо — не бездонный резервуар для промышленных выбросов, а священный покров жизни. Попраение чистоты воздуха и разрушение климатического баланса в оптике традиции есть святотатственное восстание против Төрө — грех, за которым неотвратимо следует отнятие небесной благодати. Восстановить живую связь с Небом — значит вернуть человеку его превозданное достоинство: предстоять миру свободно, твердо и с чистым сердцем.

Если Небо — это Отец, дарующий закон, время и благодать власти, то кто принимает этот небесный свет и воплощает его в живом теле степи? Какова сакральная природа Бурой Земли и текущих по ней вод, почитавшихся древними тюрками как священное божество Ыдук Йер-Суб (İduq Yêr-Sub)? Почему осквернение земли, замутнение родников и распашка пастбищ воспринимались в кочевой культуре как тягчайшее преступление против мироздания?

* * *

• Найди свой «Железный Кол» (Темір Қазық): как номады находили путь по Полярной звезде, так и ты найди в душе неподвижную ось правды, вокруг которой вращается твоя жизнь.

- Живи по космическим часам: уважай смену времён года, встречай восход солнца и провожай закат луны. Человек, живущий в ритме неба, не знает душевного истощения.
- Учись у ночного неба тишине: когда в сердце поднимается тревога, выйди под звёзды. Их спокойный, вечный свет вернёт тебе внутреннюю тишину и ясность ума.

Глава 10. Священная земля-вода: одухотворенный мир и благоговение перед жизнью

«Священная Земля-Вода отцов наших так повелела: “Да не исчезнет вовеки тюркский народ, да пребудет эль его вечно под открытым Небом!”»

— Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 11, 732 г.

Врелигиозно-философской мысли тюркских народов пространственный универсум никогда не воспринимался как нейтральная материальная протяженность, геометрическая пустота или сырьевой склад, предназначенный для хищнического исчерпания. Наряду с верховным Небом-Тенгри фундаментальной сакральной силой мироздания выступала Священная Земля-Вода (İduq Yêr-Sub).

В оседло-земледельческих цивилизациях древности и средневековья земля неизбежно приватизировалась, дробилась на межи, распахивалась плугом и подвергалась кардинальной геометрической трансформации. Для кочевника-скотовода степной ландшафт оставался целостным, первозданным телом планеты.

Земля мыслилась не как неодушевленный объект права собственности, а как одушевленная, благодатная лоно-мать — Жер-Ана / Ер-Инэ, чьи травы вскармливают скот, чьи родники поят людей и чьи недра хранят покой предков. Нарушение целостности этого тела, бессмысленное осквернение источников или разрушение пастбищ расценивалось традицией не просто как хозяйственный ущерб, а как тягчайшее космическое преступление против сакрального порядка.

В монументальных надписях Второго Тюркского каганата категория Земли-Воды занимает совершенно особое место. Она фигурирует не как пассивная территория государства, а как полноправный субъект сакральной воли, участвующий в решении исторических судеб эля.

В строке 38 памятника мудрому советнику каганата Тоньюкуку победа тюркского войска над превосходящими силами коалиции врагов прямо приписывается совокупному действию трех высших сил:

«Tengri, Umay, iduq Yêr-Sub basa bērti erinç...»

— «Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали нам победу...»).

Здесь İduq Yêr-Sub поставлена в один ряд с Творцом-Тенгри и богиней плодородия Умай. Это не метафора патриотизма, а признание того, что сама земля, ее горы, ущелья, переправы и реки обладают собственной метафизической субъектностью. Земля защищает тех, кто живет по закону предков (törö), и губит тех, кто нарушает клятвы.

В памятниках Кюль-тегину (КТм 3–4) и Бильге-кагану (БКм 4) формулируется главный геополитический и духовный завет древнетюркской государственности:

«Ötükän yış olursar, beḡü il tuta olurtaçisen... Ötükän yerdä yïduq yoq ermiş...»

«Если ты пребываешь в священных лесистых горах Отюкен, ты будешь вечно держать государство... В земле Отюкен нет скверны, в ней пребывает благодать...»).

Слово yış в древнетюркском языке означает высокогорную лесистую местность, горную чернь с реликтовыми кедровыми и лиственными лесами Хангайского хребта. Отюкен мыслился не просто как удобное естественное укрепление; это была пуповина мира, сакральный центр каганата, где связь между Небом и Землей была наиболее прямой и чистой. Уход кагана из Отюкена на равнины Китая или в далекие чужие оазисы воспринимался как духовная измена корням, влекущая неминуемый распад государства.

Византийский историк и дипломат Менандр Протектор, описывая посольство Земарха ко двору тюркского кагана Истеми (Дизавула) в 568 году в предгорьях Тянь-Шаня, сохранил поразительное свидетельство о религиозной практике тюрков:

«Они благоговейно чтут огонь, поют хвалу воде и земле, но поклоняются и называют Богом единственно Творца Неба и Земли, принося Ему в жертву лошадей, волов и овец».

Менандр зафиксировал точнейшую теологическую иерархию, полностью совпадающую с данными орхонских памятников:

Верховный Творец — Тенгри — почитается абсолютным владыкой бытия;

Земля, Вода и Огонь почитаются как священные, первозданные стихии тварного космоса, через которые проявляется божественная жизнь.

Слово *İduq* в древнетюркском лексиконе (ДТС, с. 203) представляет собой одну из важнейших религиозно-правовых категорий.

Глагольная основа *id-* означает «посылать, отпускать, освобождать». Буквально *iduq* — это то, что отпущено на волю Бога, изъято из мирского, утилитарного оборота и посвящено высшим силам:

1. *İduq mal* (посвященный скот):

Животное (чаще всего белый конь или бык), посвященное Тенгри или духам гор, метилось особым знаком. На нем запрещалось возить грузы, его шерсть не стригли, его молоко не доили для продажи, и его категорически запрещалось забивать на мясо. Оно свободно паслось до естественной смерти.

2. *İduq Yêr-Sub* (священная земля и вода):

Определенные урочища, истоки рек, рощи и горные вершины признавались заповедными зонами. В них запрещалась охота в период размножения зверей, запрещалась рубка живых деревьев, запрещалось осквернение почвы нечистотами. Понятие *iduq* служило фундаментом для древнейшей системы заповедников и природоохранных зон Евразии.

Выдающимся памятником степной экологической философии является древнейший башкирский кубаир «Урал-батыр», истоки которого восходят к эпохе бронзы и раннего железа.

Сюжетная кульминация эпоса строится вокруг поиска батыром источника бессмертия — Йәншишмэ (Живой воды). Пройдя сквозь нечеловеческие испытания, одолев демонические силы подводного и подземного миров (дэвов и змея Кахкаху), Урал-батыр добывает кувшин с живой водой. Однако вместо того, чтобы выпить ее самому и обрести личное эгоистическое бессмертие, герой совершает беспрецедентный поступок:

«Если я один буду жить вечно — какая польза миру?»

«Пусть вечно живет Земля, пусть вечно цветут травы,»

Пусть вечно текут чистые реки для людей и зверей!..»

Урал-батыр набирает в рот живую воду и кропит ею окружающие горы, иссохшие долины и степи. Земля оживает, покрывается вечной зеленью, а сам батыр принимает смертный удел. После физической кончины его могучее тело превращается в Уральский горный хребет, реки становятся его жилами, а сердце — жемчужным озером.

В эпосе выражен предельный закон кочевого биоцентризма: жизнь целого биогеоценоза неизмеримо выше жизни отдельной человеческой особи. Человек призван служить хранителям природы, а не ее тираном.

В традиционной культуре тюркских народов экологическая этика была оформлена в строжайшую систему поведенческих запретов (тыйым / тыйу) и священных обрядовых практик бережного отношения к природе.

В казахском обычном праве и бытовом воспитании существовал нерушимый кодекс бережного отношения к ландшафту:

1. Культ истоков («Бұлақ көрсең — көзін аш»):

Народная мудрость «Увидишь родник — расчисти его исток» требовала от каждого путника ухода за источниками. Замутнение питьевого ключа, стирка белья или мытье посуды непосредственно в источнике считались тяжелым грехом (обал / кие). Воду черпали посудой и отходили на расстояние.

2. Запрет на ранение почвы («Жерді орынсыз қазба»):

Запрещалось бесцельно ковырять землю ножом, копьем или палкой. Считалось, что бессмысленное ранение дерна приносит несчастье скоту. Земля воспринималась как живая кожа, которую нельзя резать без крайней необходимости.

3. Концепт «Кие» (сакральное возмездие природы):

Казахский концепт кие обозначает имманентную святость определенных птиц (лебедь — акку, филин — үкі) и животных. Убийство лебедя считалось неминуемой причиной гибели рода охотника. Природа обладала правом на самозащиту.

Ежегодный весенний праздник пробуждения Земли-Воды — Карғатуй — проводился башкирами на священных холмах и полянах.

Женщины, старики и дети выходили на природу, варили в огромных котлах обрядовую кашу из злаков и после совместной трапезы раскладывали остатки каши на камнях и ветвях деревьев, угощая первых прилетевших перелетных птиц — грачей:

«Ашығыз тәмле булһын, ергә йәм килһен, һыуға йән килһен!»

«Да будет сладка ваша пища, да придет на землю краса, да оживут чистые воды!»).

Птицы осмыслились как живые посланники Неба к Земле, знаменующие победу тепла над зимним оцепенением. Обряд восстанавливал круговорот благодати между небом, земной почвой, птицами и человеком.

Кочевое природопользование Великой Степи поражает своей органичной гармонией: жизнь человека двигалась в унисон с ритмами дыхания ландшафта, где сезонные кочевья (қыстау, көктеу, жайлау, күзеу) позволяли степи непрерывно обновляться. Священная Земля-Вода (Ыдук Йер-Суб) осмыслилась как живая одухотворенная плоть родины и хранительница мира предков.

Лев Николаевич Гумилев в труде «Древние тюрки» и «Этногенез и биосфера Земли» подчеркивал, что кочевые сообщества Великой Степи находились в состоянии поразительного динамического равновесия со своим вмещающим ландшафтом. Сезонная смена пастбищ (зимовка — қыстау, весеннее пастбище — көктеу, летовище — жайлау, осеннее — күзеу) была выстроена таким образом, чтобы травяной покров успевал полностью восстановиться. Кочевник не истощал степь, он двигался вместе с ритмами ее дыхания.

С. Г. Кляшторный доказал, что İduq Yêr-Sub в пантеоне Тюркского каганата представляла собой не просто географическое понятие, а самостоятельное верховное божество земно-водного плодородия, защитницу родины и хранительницу границ отечества.

В степной теологии отношения между тремя главными началами бытия образуют не механическую схему, а неразрывный, трепетный жизненный континуум.

На горнем полюсе пребывает Көк Тенгри — верховный Отец, непостижимый Свет и созидательный Дух. От Него исходит предвечный Закон (Tögö), животворящая благодать власти и рода (Qut), а также мера качественного времени (Öd). Но этот небесный импульс не зависает в пустоте. На дольном полюсе ему навстречу раскрывается Ыдук Йер-Суб — священная Мать, живое тело Земли и текучих Вод. Земля дарует смертному человеку его телесный состав, питает сочными травами табуны, утоляет жажду хрустальными истоками рек и принимает в конце пути бранные кости в свое материнское лоно.

Между этими двумя космическими полюсами помещен Киши оглы (Kişi oğlu) — сын человеческий. Его положение уникально: он не является самовластным тираном природы, но и не низведен до уровня бессловесного животного. Человек поставлен в средоточие мира как сознательный медиатор и хранитель равновесия. Его долг перед Небом — жить в чистоте помыслов и незапятнанной чести (arıy bolmaq); его долг перед Землей — не причинять ей бессмысленной боли, оберегать ее заповедные урочища и передать цветущий ландшафт потомкам. Равновесие мира держится на том, насколько прямо человек держит эту ось совести.

Главная болезнь современной цивилизации заключается в гордыне хищнического антропоцентризма. Человек вообразил себя единоличным хозяином вселенной, для которого природа — лишь инертное сырье для биржевых спекуляций и технологического передела. В противоположность этому безумию тюркская традиция напоминает: Земля и Воды обладают собственной, изначальной сакральностью. Они священны сами по себе, независимо от человеческой корысти. Всякая цивилизация, строящая свое временное процветание на поругании почвы и отравлении источников, подрывает ствол собственного бытия и неизбежно низвергается в небытие по непреложному закону вселенского суда.

Возрождение категории Ыдук (İduq) — абсолютной священной заповедности — становится категорическим императивом для выживания человечества. Как древний номад запрещал себе обнажать лезвие ножа у истока ключа и не смел перепахивать ковыльную целину, так и современный мир обязан изъять из зоны рыночной эксплуатации легкие планеты, горные хребты и океанские глубины. Ступая по земле, человеку надлежит помнить: он идет не по мертвой грязи, а по праху отцов и по живому телу Великой Матери, дарующей хлеб и дыхание. Истинная зрелость духа измеряется не тоннами извлеченной руды, а способностью благоговейно хранить земную чистоту.

Кто такая богиня Умай (Umay), чье имя рядом с Небом и Землей высечено на орхонских памятниках? Почему она изображалась с золотыми волосами и чашей жизни в руках, как ее культ переплавился в казахскую традицию «Ұмай Ана» и башкирскую «Май-инэ», и почему без женской ипостаси божественного тюркская вселенная была бы неполной?

* * *

- Почитай Землю-Воду (Йер-Суб) как живую мать: никогда не бросай мусор в реку, не ломай ветвей без нужды и не оскверняй родников. Земля помнит доброту и щедро отвечает любовью.

- Соблюдай закон меры: бери от природы ровно столько, сколько необходимо для жизни. Алчность — это восстание против космического порядка, ведущее к саморазрушению.

- Очищай истоки: если видишь засорённый родник — расчисти его русло. В народе говорят: «Увидишь родник — открой ему взор». В этом — живое служение миру.

Глава 11. Умай: материнское начало, защита колыбели и очага

«Umay teg ögüm qatun qutıŋa inim Köl Tégin er at boldi...»

— Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 31, 732 г.

Висториографии кочевых обществ Евразии долгое время господствовал односторонний стереотип: кочевая степь воспринималась исключительно как суровый, замкнутый мир воинов-всадников, где безраздельно властвовал патриархальный закон меча, а женщине отводилась сугубо служебная роль хранительницы очага и продолжательницы рода.

Однако анализ древнетюркского пантеона полностью разрушает эту схему.

На высшей ступени сакральной иерархии Второго Тюркского каганата, непосредственно рядом с верховным Творцом-Тенгри, зафиксировано персонифицированное женское божество высшего ранга — богиня Умай (Umay).

Традиция кочевников не знала презрения к женскому началу. Если Небо выступало источником закона, космического времени и военной силы (küç), то Умай являлась подательницей самой витальной субстанции бытия — плодоносящего материнского лона, защиты новорожденных, здоровья детей, домашнего мира и сакрального продолжения рода. Без женской благодати Умай мужчина не мог обрести силу батыра, а каган не имел права править народом.

Древнейшие достоверные свидетельства о богине Умай запечатлены на мраморных стенах каганата, что свидетельствует о ее высоком государственном статусе.

В строке 31 Большой надписи в честь Кюль-тегина его царственный брат Бильге-каган произносит глубокие слова:

«Umay teg ögüm qatun qutıŋa inim Köl Tégin er at boldi...»

«Благодаря благодати [кут] моей матери-катун, подобной богине Умай, мой младший брат Кюль-тегин обрел взрослое мужское имя...»).

Этот пассаж раскрывает фундаментальную теологическую концепцию:

1. Катун как земное воплощение богини:

Мать правящих каганов — катун (царица) — уподобляется самой богине Умай. Ее власть в ставке кочевников не была номинальной; она обладала собственным сакральным покровом — Qatun Qutı (женской благодатью Неба).

2. Обретение богатырского имени:

В традиции кочевников наречение взрослым мужским именем (er at) знаменовало переход юноши в статус полноправного воина эля. Этот переход был невозможен без благословения матери и заступничества Умай. Именно женская сила охраняла дыхание ребенка в опасные годы младенчества, позволяя ему возрасти до богатырского подвига.

В надписи мудрого советника Тоньюкука (строка 38) образ Умай выходит далеко за пределы сугубо детской люльки:

«Teŋri, Umay, iduq Yēr-Sub basa bērti erinç...»

— «Тенгри, Умай и Священная Земля-Вода, надо полагать, даровали нам победу...»).

Здесь Умай выступает небесной соратницей эля в решающий момент битвы. Она оберегает жизнь воинов, отводит смертоносные стрелы и защищает родовое древо народа от истребления.

Словарь великого караханидского энциклопедиста XI века Махмуда аль-Кашгари («Диван лугат ат-турк») сохранил важнейшую дефиницию термина:

«Umay: Детское место (послед, плацента), выходящее вслед за рождением младенца. Тюрки говорят: "Umayqa tapınsa, oçul bulur" — "Если воздать почтение Умай, родится сын". Женщины обращаются к ней с мольбой о благополучном разрешении от бремени и здоровье потомства...»

Филологические исследования Дж. Клаусона и В. М. Наделяева вскрывают глубинную семантическую связь:

Корень *\uma-* в алтайских языках связан со значениями «надеяться, уповать, опекать, защищать от холода и тьмы»;

В древнетюркском языке корень *Ög* поразительно соединяет два значения:

ög — это «мать» (*ögüm* — моя мать);

ög — это «разум, мудрость, рассудок, память» (*öglüg* — разумный, сознательный; *ögrän* — учиться, познавать).

В миропонимании степи сознание, разум и мудрость передаются человеку не через абстрактное теоретизирование, а через тепло материнской груди, колыбельные напевы и благословение Умай. Мать — это первый учитель рассудка.

В башкирском кубаире «Урал-батыр» и продолжающем его эпосе «Акбузат» богиня Умай предстает в величественном образе Хумай (Һумай) — небесной птицы-девы, дочери владыки небесного мира Самрау и Солнца.

1. Образ девы-лебедя:

Хумай способна сбрасывать лебединое оперение и предстать перед батыром в образе прекрасной златокудрой девы. Этот мотив восходит к древнейшим сако-скифским и гуннским представлениям о лебедях как священной солярной птице Неба.

2. Вручение богатырских регалий:

Именно Хумай избирает Урал-батыра за его честность и чистоту помыслов. Она вручает ему волшебного крылатого коня — тулпара Акбузата, булатный меч, сокрушающий скалы, и открывает тайну источника бессмертия. Без любви и мудрости Хумай батыр оставался бы просто могучим воином; через союз с ней он становится спасителем человеческого рода.

3. Родоначалница племен:

От союза батыра и Хумай рождаются богатыри Идель, Яик, Нугуш, давшие имена великим рекам Южного Урала. Культ женщины в эпосе предстает как животворящий исток самой национальной истории.

В живом быту казахов, башкир, алтайцев, тувинцев и хакасов образ Умай сохранил удивительную монолитность сквозь века.

В казахской традиционной семье богиня почиталась под именем Ұмай Ана — добрая, лучезарная седовласая мать-заступница:

1. Повивальная формула («Кіндік шеше»):

Когда повивальная бабка (кіндік шеше) принимала новорожденного и перерезала пуповину, а затем укладывала младенца спать или гладила его при недомогании, она обязательно произносила древнейшую формулу отречения от своего эго:

«Менің қолым емес, Ұмай Ананың қолы!»

«Не моя брэнная рука врачует, но святая рука Матери Умай!»).

2. Улыбка спящего младенца:

Если грудной ребенок во сне вздрагивал или плакал, мать говорила: «Умай Ана отошла от колыбели»; если же малыш во сне улыбался и двигал ручками, в ауле говорили: «Ұмай Ана ойнатып жатыр» — «Это Мать Умай играет с младенцем, смешит его и охраняет от дурного глаза».

3. Чин укладывания в люльку («Бесікке салу»):

Колыбель (бесік) у кочевников почиталась святыней рода. Ее окуривали дымом священной арчи (адыраспан), к дуге привязывали коготь беркута или перья филина, а под подушку клали серебряные украшения как солярный знак чистоты Умай. Пустую люльку строго запрещалось качать: это считалось дурным предзнаменованием, призывающим пустоту и беду.

В традиционном башкирском быту, подробно изученном Ф. Г. Хисамитдиновой, существовал архаический обряд Кот койоу (отливание / возвращение кута):

Если ребенок сильно испугался, терял сон или чахнул, считалось, что от страха его нежная душа-благодать (кот) выскочила из тела и спряталась в углу шатра или у очага.

Пожилая знахарка (котсо) с молитвами к Небу и Матери Умай плавила в ковше свинец или олово и выливала его в чашу с родниковой водой над головой ребенка. По застывшей форме металла определяли причину испуга, а воду брызгали на лицо дитяти со словами:

«Котом, кайт! Инэм Май кулы менэн кайтар!»

«Вернись, благодатная сила кут! Вернись рукою Матери Май!»).

Ребенок возвращался под благодатный покров божества, обретая мир и здоровье.

В народном почитании Умай соединились все уровни священного покрова: от общекосмической женской ипостаси плодородия, стоящей рядом с Тенгри на великих монументах каганата, до тихой ласки хранительницы домашнего очага, оберегающей сон младенца в колыбели.

Леонид Павлович Потапов на основе алтайских и тувинских шаманистских записей XIX–XX веков пытался доказать, что Умай изначально была лишь мелким семейным духом-покровителем рожениц и деревянных куколок-оберегов, а в каганате ее культ был искусственно возвышен правящей элитой.

С. Г. Кляшторный убедительно показал историческую некорректность сведения великого божества к позднейшим пережиткам эпохи упадка. В официальных памятниках VIII века Умай упомянута рядом с Тенгри и Йер-Суб. Никакой второстепенный дух или «семейный амулет» не мог быть высечен на триумфальных монументах великой империи. Умай являлась общеимперским божеством плодородия и высшей женской ипостасью мира, чей культ лишь в поздние века при распаде государственности сузился до границ семейной юрты.

Теологический статус Умай утверждает глубочайшую истину степной философии: мироздание держится не на подавлении или слепой конкуренции противоположностей, а на их священном, благословенном созвучии.

В духовном космосе Евразии мужское начало, воплощенное в Тенгри, олицетворяет горный свет, справедливость, непогрешимый закон Тёрё, воинскую доблесть и распределение сроков времени. Это вертикаль порядка и долга. Женское же начало, персонифицированное в Умай, представляет собой животворящее лоно бытия, благословение деторождения, ласку материнского крова и охрану колыбели. Закон, лишенный милосердия и тепла, вырождается в безжалостную тиранию; милосердие, лишенное закона и твердой правды, распадается в бесформенный хаос. Лишь в неразрывном союзе Тенгри и Умай достигается подлинный лад вселенского правления.

Отсюда берет начало и сакральный матрицентризм кочевого очага. В то время как мужской долг обращен вовне — на охрану пастбищ, защиту границ эля и несение воинской службы, — внутреннее пространство юрты безраздельно освящено благодатью Умай. Мать выступает жрицей очага и первородительницей рода. В традиционном обычном праве степи нанесение оскорбления матери, поправление ее благословения или насилие над женщиной квалифицировалось как духовное самоубийство семьи, влекущее необратимое осквернение крови и утрату родовой благодати.

Современный мир переживает глубочайшую трагедию отчуждения. Институт семьи сотрясается эгоизмом, а отношения между мужчиной и женщиной низводятся до уровня рыночных контрактов и взаимных претензий. В этой расколотой реальности образ Умай возвращает культуре память об изначальной чистоте любви, взаимного благоговения и разделенной священной ответственности за продолжение жизни. Мужчина и женщина предстают не враждующими конкурентами, а равночестными хранителями вселенского ковчега бытия.

Не менее пронзителен степной завет защиты колыбели. В техногенную эпоху младенец с первых дней жизни оказывается беззащитен перед шумом информационной агрессии и холодом урбанистической среды. Древний культ колыбели, осененной невидимыми крыльями Умай, напоминает: начало человеческого пути требует тишины, благоговейного тепла и без-

условной материнской любви. Истинная человечность не возникает сама по себе — она выплывает у колыбели под тихий напев колыбельной песни. Воспитание чистого душой потомства есть не приватное бытовое занятие, а высочайшее космическое служение, без которого бессмысленны любые технологические и политические триумфы.

Куда уходит жизненная сила батыра, покинувшего этот подсолнечный мир? Как души ушедших отцов и матерей продолжают незримо присутствовать в жизни рода, направляя руку воина и оберегая скот? Что скрывается за древнейшим институтом почитания предков — культом Аруахов (Агуаг / Ata-baba), шежере семи колен и каменными стражами степи?

* * *

- Береги колыбель и матерей: образ Матери Умай напоминает, что жизнь начинается с нежности и тепла. Почитай мать, оберегай беременную женщину и согревай любовью дитя.

- Храни мир в семье: женщина — душа шанырака. Если в доме звучит ласковое слово и царит покой, благодать Умай освятит потомство здоровьем и радостью.

- Будь проводником милосердия: когда ты защищаешь слабого или помогаешь больному ребёнку, рука Умай незримо действует через твоё сердце.

Глава 12. Предки и память рода: зов аруахов, тризна и завет отцов

«Kişi oylınta üze eçüm aram Bumın qağan, İstemi qağan olurmış. Olurupan türk bodunıñ ilin törösın tuta bērmış, eti bērmış...»

— Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 1, 732 г.

Куль предков является стновым хребтом социальной структуры, правосознания и религиозной этики кочевых народов Евразии. В мировоззренииномада грань между видимым миром живых (Орто Дойду / Жалған дүние) и сокровенным миром ушедших отцов (Келмеске кеткендер) никогда не была глухой непроницаемой стеной.

Уход человека из земной жизни не означал его растворения в небытии или бесследного исчезновения. Покинув плотскую оболочку, благородный муж, батыр, мудрый бий или многодетная мать переходили в высшее состояние духовных хранителей рода — Аруаков (Аруак / Арбак / Ата-баба).

Предок продолжал незримо присутствовать в жизни своего кочевья: он ободрял воинов в яростных схватках, оберегал табуны от зимнего джута, благословлял колыбель новорожденного и жестоко наказывал потомков за забвение закона чести (намыс) и попрание обычая отцов (төрө). Вся жизнь степного общества была пронизана предстоянием перед безмолвным судом предков.

В орхонских и енисейских памятниках культ предков образует легитимирующий фундамент государственности. Вся Большая надпись Кюль-тегина и стела Бильге-кагана выстроены как строгий и благоговейный отчет правящего владыки перед духами отцов-основателей эля:

«Kişi oylınta üze eçüm aram Bumın qağan, İstemi qağan olurmış...»

«Над сынами человеческими воссели мои предки [деды и отцы: eçüm aram] Бумын-каган и Истеми-каган; воссев, они устроили государство и законы тюркского народа...»).

Парная формула Eçüm aram (мои деды и отцы) обозначает сакральную генеалогическую вертикаль. Власть кагана признавалась народом легитимной не в силу произвола или богатства, а постольку, поскольку он продолжал дело Бумына и Истеми, сохраняя установленные ими законы Төрө.

Поминальный комплекс в урочище Кошо-Цайдам (Монголия), исследованный экспедициями Н. М. Ядринцева, В. В. Радлова и современных археологов, представлял собой грандиозный архитектурный ансамбль:

Окруженный рвом глинобитный храм (барк), внутри которого стояли портретные мраморные изваяния самого Кюль-тегина и его супруги;

Огромная резная черепаха, несущая гранитную стелу с руническим текстом;

Длинная вереница вертикально врытых необработанных камней — балбалов (balbal), тянувшаяся на восток на сотни метров.

В строке 25 той же надписи читаем:

«Baza qağanıy balbal tikdim...» — «Я поставил предводителя враждебных племен Базкагана балбалом [поминальным стражем]...»

Балбал в древнетюркском погребальном ритуале символизировал поверженного в честном бою врага, чья жизненная сила в загробном мире подчинялась духу павшего витязя, служа свидетельством его воинской доблести (erdäm).

В китайской династийной хронике «Чжоу шу» (гл. 50) сохранилось детальное описание тюркского похоронного чина середины VI века:

«Поставив тело умершего в шатре, сыновья, внуки и родственники обоого пола закалывают лошадей и овец перед шатром. Затем верхом на конях семь раз объезжают вокруг шатра

и перед каждым кругом надрезают ножом свои лица, плача и причитая так, что кровь и слезы текут вместе. Совершив это семь раз, останавливаются...»

В назначенный день берут коня, на котором ездил покойный, и его личные вещи и сжигают их вместе с ним на костре; пепел же собирают и хоронят в кургане... На могиле ставят камень с высеченным на нем описанием его подвигов и числом убитых им врагов...».

Византийский историк Менаандр Протектор описывает аналогичный ритуал траура, свидетелем которого стали послы империи во главе с Валентином при дворе тюркского царевича Турксанфа в 576 году: византийцев обязали сойти с коней и надрезать себе щеки в знак скорби по умершему кагану Истеми.

В этом ритуале кровь, текущая из надрезанных щек воинов, знаменовала предельную меру скорби: с потерей великого отца род плачет не просто водой слез, но самой субстанцией жизни — кровью. Сожжение личного скакуна обеспечивало батыру верного спутника для перехода через небесные пространства.

Выдающимся памятником степной похоронной памяти является эпизод «Көкөтөйдүн ашы» (Великая тризна по хану Кокетею) в кыргызском эпосе «Манас» (записанном В. В. Радловым и Ч. Ч. Валихановым):

1. Сакральный смысл степного Аша:

Поминальная тризна (Аш) у кочевников никогда не была унылым отпеванием. Это было всенародное торжество жизни, торжество преодоления смерти через сплочение всех родов и племен. На поминальный пир Кокетея собираются десятки тысяч всадников со всех концов Евразии.

2. Ритуал кормления предков («Жыт чыгаруу»):

Прежде чем гости прикасались к пище, в огромных казанах вытапливали конский жир и жарили обрядовые хлебцы. Считалось, что бестелесные духи Аруаков не вкушают материальной плоти мяса; они насыщаются тончайшим ароматом, горячим запахом кипящего жира (иис / жыт). Благодарный дух, насытившись, ниспосылает на пирующих благословение (бата).

3. Космические состязания ради славы умершего:

Центром тризны становилась грандиозная скачка на длинные дистанции — Чоң Байге — и богатырские поединки на пиках (эр-сайыш). Победа батыра на поминальных играх посвящалась духу усопшего хана, вознося его славу до самого Неба.

В живой этнографической практике тюркских народов культ предков институционализировался в священный закон родословия семи поколений — Шежіре / Шәжәрә / Санжыра (Жеті ата / Ете быуын / Жети ата).

Каждый мальчик в степи обязан был с раннего детства твердо знать имена своих прямых предков по мужской линии до седьмого колена:

1. Бала (сын);
2. Эке (отец);
3. Ата (дед);
4. Арғы ата (прадед);
5. Баба (прапрадед);
6. Түп ата (родоначальник ветви);
7. Тек (исток, корень рода).

Человек, не знавший своих семи предков, именовался презрительным словом мэнгүрт / жетесіз (лишенный корней, беспамятный раб).

Знание семи колен выполняло две жизненно важные функции:

Генетическая чистота: До седьмого колена внутри одного рода категорически запрещались браки. Нарушение этого правила рассматривалось как тягчайший грех кровосмешения (қан бүзу), навлекающий проклятие Аруаков и вырождение потомства.

Социальная солидарность: Всякий сородич в пределах семи колен признавался братом, обязанным защищать честь родича, делить с ним скот при джуге и нести солидарную ответственность перед судом биев.

В народном сознании казахов Аруак — это не грозное привидение, а любящий и справедливый защитник.

В момент смертельной опасности, перед лицом вражеской конницы, воин бросался в атаку не с абстрактным криком, а с родовым кличем — Ураном (Ұран), выкрикивая имя прославленного предка: «Алаш!», «Абылай!», «Қабанбай!», «Бөгенбай!». Верили, что в миг выкрика урана дух предка встает за правым плечом батыра, придавая его копьё сокрушающую мощь.

По четвергам и пятницам в аулах и селениях тюркских народов совершался древний обряд поминовения усопших: у казахов и киргизов он закрепился под именем Жеті шелпек (или Тоғыз тоқаш), у башкир и татар — как Ең сығару (ис чыгару) с выпеканием май икмәге и оладий. Хозяйка выпекала в раскаленном кипящем масле круглые, как солнце, лепешки, и благоуханный пар шел к небесам: верили, что духи предков насыщаются этим тонким запахом очага, пока собравшиеся старейшины возносят молитвы об ушедших отцах.

Почитание предков (аруахов) в степи развито в высшей степени. Аруах — это живая совесть народа. Степной человек мог нарушить формальный приказ, но никогда не смел солгать перед могилой отцов. Возведение монументальных стел и ведение родовых шежере служило священным долгом памяти, удостоверявшим права рода на землю и соединявшим земное бытие с вечностью.

В фундаментальном исследовании «Следы шаманства у киргизов» (1861 г.) Валиханов писал:

«Почитание предков (аруахов) у казахов развито в высшей степени. Аруах — это совесть народа. Степной кочевник может нарушить приказ чиновника или судьи, но он никогда не посмеет солгать, если его заставят поклясться могилой предка или призвать в свидетели имя своего отца. Культ аруахов воспитывал в народе чувство рыцарской чести и бесстрашия перед лицом смерти».

С. Г. Кляшторный показал, что возведение монументальных поминальных комплексов в каганате было формой общественного договора: каган служил народу, а народ навечно закреплял его подвиг в граните.

Раиль Гумерович Кузеев в труде «Происхождение башкирского народа» доказал, что башкирские родовые шежере и тамги на скалах являлись не просто семейными списками, а публично-правовыми документами, удостоверявшими вечные права рода на свои кочевья, реки и шиханы.

* * *

Анализ эпиграфики, шежере и обрядовой практики вскрывает уникальную тюркскую философию бессмертия. Здесь человек никогда не мыслит себя изолированной монадой, брошенной в холодную пустоту космоса.

Бытие раскрывается как живой, пульсирующий поток поколений. В высшем измерении пребывают Келмеске кеткендер — мир вечных духов предков (Аруактар). Они перешагнули черту бренности, став бесплотными стражами чести, заступниками перед Небом и незримыми судьями живой совести. В земном срединном измерении — Жалған дүние — разворачивается текущий век живых сородичей. Это круг семи колен (Жеті ата), поле ежедневного нравственного выбора, сохранения огня очага и претворения закона Төре. Наконец, третий горизонт устремлен в грядущее — Келешек, к еще не рожденным потомкам, ради благословения которых сегодня бережется родная земля и чистота имени.

Смертный человек в этой традиции выступает живым священным мостом времен. Его индивидуальная биологическая краткость преодолевается включенностью в бессмертное русло

рода. За спиной каждого степняка незримо стоят века памяти и подвигов его отцов; перед его взором простирается ответственность за судьбу сыновей и внуков. Физическое тело неизбежно растворится в бурой земле (yaŋız yer), но доброе имя (жақсы ат) и мужественный подвиг (erdäm) побеждают тление. Предок жив, пока звучит его имя в памяти живых; единственной же подлинной смертью признавалось забвение.

Современный человек, оторванный от родовых корней и лишенный памяти о предках, легко превращается в беззащитный, манипулируемый объект отчуждения — в того самого исторического беспамятного раба (мәңгүрт), о котором с болью предупреждали степные мудрецы. Возвращение к глубине шежере возвращает личности утраченную онтологическую опору: человек вновь обретает внутренний стержень, понимая, что за ним стоят поколения мужественных людей, преодолевших холод, голод, войны и лишения ради того, чтобы сегодня жизнь продолжалась.

Память об отцах воздвигает несокрушимый барьер против нравственного падения. Всякий раз, совершая поступок, человек традиции соизмеряет его с невидимым присутствием предков: «Не устыдятся ли меня мои отцы? Смогу ли я передать детям незапятнанную честь?». Эта внутренняя совестливость сильнее внешних надзирателей и полицейских запретов. Она побеждает и экзистенциальный ужас перед небытием: жизнь, прожитая в правде и верности роду, не исчезает в черной дыре времени, но вливается в вечную родовую память народа под лазурным куполом Неба.

Где именно совершались великие моления? Какова была сакральная топография степных святилищ — горных вершин, перевалов с каменными насыпями Обо (Ova / Oboo), священных водных источников и жертвенных костров? Почему огонь почитался как очистительная стихия, отгоняющая скверну, и почему перед очагом юрты кочевник преклонял колени так же благоговейно, как перед престолом правителя?

* * *

- Помни зов Аруахов: души праведных предков не умерли, они пребывают в свете и молятся за нас. Вспоминай их с благодарностью, рассказывай детям об их честной жизни.

- Не позорь своё родовое древо: совершая любой поступок, спроси себя: «Одобрили бы это мои деды? Не покраснели бы они за меня?». Это лучший предохранитель совести.

- Посещай могилы отцов: приди к вечному кургану или надгробному камню, поклонись земле, поправь оградку и помолчи. В этой тишине ты обретёшь нерушимую духовную силу.

Глава 13. Святыни степи: священные горы, целебные воды и дух огня

«Волхвы зажгли ветви ладана и кедра и заставили послов пройти между двумя высокими огнями. Тюрки свято верят, что огонь очищает все вещи и что пламя уничтожает любые злые умыслы и скверну...»

— Менандр Протектор, *«История»*, посольство Земарха к тюркскому кагану Дизавулу, 568 г.

Вкочевой цивилизации Евразии феномен храма никогда не был связан с возведением замкнутых каменных зданий, базилик или искусственных капищ. Степь не знала тесных интерьеров, отделявших молящегося человека от дыхания внешнего мира.

Местом богопочитания, диалога с Создателем и встречи со священным служила сама первозданная земля под открытым куполом Неба.

Сакральными центрами степного космоса выступали естественные природные вертикали и геоморфологические узлы:

Величественные горные вершины — мировая ось (Axis Mundi), соединяющая три яруса бытия;

Первородные пещеры — хтонические лоны возрождения предков;

Вековые священные деревья и рощи — медиаторы жизненной силы;

Бьющие из глубин земли целебные минеральные ключи — арасаны (arasan);

Ритуальные насыпи на перевалах — оба (ova / oboo);

Живой огонь домашнего очага — От-Ана (Ot-Ana) — земное отражение небесного солярного огня.

Гора в мировоззрении тюрков почиталась не просто как возвышенность рельефа, а как престол Неба на Земле, ближайшая точка соприкосновения человеческого духа с божественным светом.

В китайских династийных хрониках «Чжоу шу» (гл. 50) и «Суй шу» (гл. 84) зафиксирован строгий государственный распорядок религиозных молений тюркских каганов VI века:

«Ежегодно верховный правитель во главе старейшин и знатных родов приносит жертвы в пещере предков на Алтае... А в середине пятого месяца [в день летнего солнцестояния] знатные тюрки собираются у реки и молятся верховному Богу Неба. На священной горе Бодэншан [Богдо-ула / массив Отыкен] обитает верховный дух земли; народ чтит эту гору с великим трепетом; на ней строго возбраняется рубить живые деревья и охотиться на зверей».

В этом сообщении зафиксирован совершенный пространственный дуализм:

Пещера предков (ünjür): Материнское, сокровенное начало, где, согласно династийному мифу, волчица вскормила первопредка рода Ашина. Это место памяти о хтоническом зарождении племени.

Вершина горы Бодэншан: Мужская солярная вертикаль, где приносились всенародные бескровные жертвы Небу и Священной Земле-Воде. Запрет рубки леса и охоты на горе подтверждает статус *iduq* — полной заповедности святилища.

В самом географическом сердце Казахской степи, в Сарыарке, высится горный массив Улытау («Великие горы»).

На протяжении многих веков Улытау являлся сакральной столицей степной демократии:

Именно к вершинам Улытау сходились представители всех казахских родов для созыва великих курултаев;

На плоских гранитных плитах у подножия гор приносилась всенародная присяга новоизбранным правителям, которых поднимали к Небу на белой кошке;

Здесь высекались на скалах родовые гербы-тамги (таңба), закреплявшие братский союз племен;

В урочищах Улытау были воздвигнуты мавзолеи хана Джучи (старшего сына Чингисхана) и легендарного праотца казахов Алаша-хана.

Гора Улытау функционировала как символ политического и духовного единства народа.

На Южном Урале аналогом священных горных алтарей выступали уникальные коралловые рифовые останцы древнего океана — башкирские шиханы (Торатау, Юрактау, Куштау).

Одиночный шихан Торатау почитался башкирским племенем юрматы как сакральный центр земли. Согласно полевым исследованиям С. И. Руденко и Р. Г. Кузеева:

На плоской вершине Торатау в день весеннего равноденствия старейшины родов совершали всенародный обряд Телэк — воздевали руки к Небу с мольбой о ниспослании дождя и мира;

На священной горе категорически запрещалось вести хозяйственные работы, добывать камень железом или осквернять почву нечистотами;

Шихан воспринимался как живая коновязь земли, удерживающая космическое равновесие всего Уральского края.

Дерево в тюркской космологии почиталось как земной образ Мирового Древа (Бай-Терек / Бәйтерек), чьи корни уходят в нижний мир, ствол держит человеческий мир, а крона упирается в лазурь Неба.

В армянской хронике епископа Мовсеса Каганкатваци «История страны Алуанк» (VII в.) сохранилось бесценное свидетельство о культе священного дерева у прикаспийских гуннов (савиров) Дагестана:

«Они посвящали деревья своим божествам; среди них высился исполинский вековой дуб, почитавшийся спасителем страны и подателем жизни. К этому священному дереву вожди приводили отборных коней: окропив ствол жертвенной кровью, голову и кожу коня вывешивали на ветвях, обращаясь с мольбой к Небу и владыке грома Тенгри-хану...».

В этом обряде дерево выступало космической лестницей: повешенная на верхних ветвях шкура жертвенного белого коня символически возносилась к небесным чертогам. Дерево являлось естественным алтарем, связывающим смертного человека с беспредельным Небом.

Каждый путник, пересекавший горные хребты Алтая, Тянь-Шаня, Саян или Тарбагатая, встречал на седловинах перевалов пирамидальные конические насыпи из диких камней — Оба (Ova / Oboo / Обаа).

Култ Оба представляет собой древнейшую общекочевую практику почитания духов перевалов и границ:

1. Камень как личная лепта:

Всякий всадник, поднимаясь на трудный перевал, обязан был спешиться, поднять с дороги камень и положить его на вершину насыпи. Этот жест знаменовал очищение от тягот пути и благодарность священной горе за безопасный переход.

2. Запрет пустоты:

Пройти мимо Оба, не положив камня или не повязав на растущую рядом березу или лиственницу белую матерчатую ленту (ялама / чалама), считалось дерзким святотатством, навлекающим камнепад или внезапную бурю.

3. Всенародное значение памятника:

Оба росла десятилетиями и веками усилиями тысяч безвестных путников, превращаясь в грандиозный коллективный монумент благоговения перед мощью горного перевала.

Водные источники в засушливых степях и полупустынях Евразии почитались величайшим даром Матери-Земли:

1. Концепт «Арасан» (Arasan):

Горячие и холодные радоновые, серные и минеральные источники, бьющие в ущельях Тянь-Шаня, Алтая и Джунгарии, именовались арасанами (др.-тюрк. *arasan* — священная исцеляющая влага).

2. Этика святого источника:

Возле арасанов запрещалось громко кричать, сквернословить, стирать одежду или сбрасывать отходы. Воду черпали чистой посудой с благоговейным шепотом: «Дертке дауа, жанға шипа болсын!» («Да будет исцелением для тела и отрадой для души!»). Родник признавался священным роддомом Земли-Воды (*İduq Yêr-Sub*).

Среди всех стихий тварного космоса особое место занимал Огонь (*Ot*). Огонь мыслился как земная частица животворящего солнечного света, сошедшая на землю для согревания юрты и защиты рода от тьмы и скверны.

Свидетельства византийца Менандра Протектора (568 г.) и францисканского монаха Гильома де Рубрука (1253 г.) фиксируют нерушимость обряда огневого очищения на протяжении семи столетий:

Ни один чужеземный посол, купец или знатный гость не имел права приблизиться к шатру кагана или хана без предварительного прохождения между двумя высокими ритуальными кострами;

Сквозь огонь проносили все дипломатические дары, оружие и одежду;

Считалось, что чистый огонь выжигает любые яды, уничтожает злые замыслы, зависть и колдовство, позволяя человеку предстать пред правителем с чистым сердцем.

В традиционном быту тюркских кочевников и земледельцев священный очаг юрты и дома являлся сакральным сердцем всего жизненного пространства:

1. Персонификация «От-Ана» (Мать-Огонь):

Огонь очага воспринимался как живое, одушевленное женское божество, оберегающее семью.

2. Строжайшие табу очага:

Категорически запрещалось плевать в огонь: считалось, что плюнувший в огонь навлекает язвы на свои губы и слепоту на глаза;

Запрещалось лить на огонь сырую грязную воду или бросать в него мусор, кости и тухлятину;

Запрещалось перешагивать через очаг или тыкать в пламя лезвием ножа;

Огонь гасили, лишь благоговейно присыпая угли чистой золой.

3. Обряд приобщения невестки («Отқа май құю»):

Когда молодая невестка впервые переступала порог дома мужа, старейшие матери рода подвели ее к очагу. Невестка благоговейно опускалась на колени и лила в огонь растопленный бараний жир. Пламя с гулом взметалось вверх, и женщины восклицали:

«От-Ана, жарылқа! Шаңырағың биік болсын, босағаң берік болсын!»

«Мать-Огонь, благослови! Да будет высок твой шанырак, да будет крепким твой порог!»).

Через огонь невестка принималась в священную родовую общину предков мужа.

Святылища Степи — одинокие скалы, целебные истоки и священные вершины — почитались как места иерофании, где горный мир естественным образом соприкасается с земным. Человек приходил сюда не для показательных обрядов, а для тихого молитвенного диалога с Создателем лицом к лицу.

Мирча Элиаде в труде «Священное и мирское» показал, что для традиционного человека сакральное пространство не конструируется искусственно, а «открывается» в природе. Гора, священное дерево или источник священный не по причине их утилитарной пользы, а потому, что они являются точками прорыва трансцендентного в материальный мир.

Археологические исследования С. Г. Кляшторного и А. Х. Маргулана:

Академик Алькей Маргулан на материалах святилищ Центрального Казахстана доказал, что наскальные рисунки урочища Тамгалы и мегалитические комплексы Бегазы-Дандыбая представляют собой грандиозные древнейшие святилища и священные места под открытым небом, где ритуал был синхронизирован с движением звезд и солнца.

* * *

Сакральная география степи выстраивалась не как искусственная постройка из мертвого камня, а как живой, пульсирующий организм открытого мира. Храмомномада была сама земля под сводом небес, где каждый локус обладал своей уникальной онтологической функцией.

На высшей вертикали пребывают священные горы и шиханы — древний Бодэншан, священный Отюкен, Улытау и Торатау. Вершина горы — это место предельного истончения границы между дольным и горным мирами, священное место всенародного предстояния перед Единым Небом-Тенгри. Сюда не приходят ради мелких корыстных просьб; здесь правители и старейшины родов совершали бескровную молитву о мире для всей земли, испрашивая благословение дождя и крепость народного единства.

На срединных путях кочевий сакральным центром становились перевалы, каменные насыпи Оба и вековые одинокие деревья — степные Байтереки. Это локусы духовной медиации и памяти пути, где путник останавливал бег коня, чтобы сотворить тихую молитву благодарения, оставить белый камень на кургане и вновь ощутить себя странником в беспредельной вселенной.

Наконец, в глубине повседневного бытия сакральное пространство свертывалось в круг священного очага юрты и прохладу живого родника (Арасана). Очаг, одушевленный присутствием Матери-Огня (От-Ана), выступал не просто источником тепла, но неугасимым сердцем рода, соединяющим ушедших предков с новорожденными младенцами. Родник же возвращал телу чистоту первозданной влаги Земли-Воды. Так великий простор Степи оказывался пронизан невидимой сетью святости — от заоблачной гранитной вершины до уголька в домашней золе.

Философия степных природных святилищ звучит сегодня как мощный духовный щит против разрушительного наступления потребительской цивилизации, превращающей планету в бездушный карьер.

Природный храм степи не знает конфессионального эгоизма, кастовых барьеров и коммерческой корысти. Его невозможно приватизировать, купить за деньги или запереть на замок. Поднявшись на горную вершину или опустившись на колени перед чистым родником, каждый человек — нищий пастух или могущественный владыка — предстает пред мирозданием в своей изначальной нагоде и простоте, как свободное дитя вечного Неба и священной Земли.

* * *

- Относись к священным местам с благоговением: вершины гор, вековые деревья и чистые источники — это природные алтари Творца. Приходи туда без шума, с чистыми мыслями и открытым сердцем.

- Почитай священный огонь (От): огонь — земное око солнца. Не оскверняй пламя злобой и бранью, пусть твой очаг будет символом тепла и гостеприимства.

- Ищи святость в простоте: тебе не нужны золотые капища. Истинный храм окружает тебя повсюду — в шелесте трав, в синеве неба и в чистоте ключевой воды.

Глава 14. Стрoение мира: три царства вселенной и мировое древо

«Үс дойду... Үөһээ Дойду — үрүҥ айыылар уйалара; Орто Дойду — киһи-аймах олоҕо; Аллараа Дойду — хараҥа абааһылар сирдэрэ...» «А пронизывает все три мира великое древо Аал Луук Мас...»

— Якутский героический эпос Олонхо, «Ньургун Боотур Стремительный»

Космологическая картина мира тюркских народов Евразии представляет собой строгую, кристально ясную и соподчиненную систему бытия. Пространственный универсум здесь никогда не мыслился как хаотическое скопление стихийных сил или бесформенная бездна.

В основе традиционной космологии лежит трехчастная вертикальная модель Вселенной, органично пронизанная стержнем Мирового Древа (Бай-Терек / Бэйтeрек / Аал Луук Мас):

1. Верхний мир (Үөһээ Дойду / Жоҕаргы дүние): Царство непреходящего небесного света, обитель Творца-Тенгри, богини Умай и светлых созидательных духов;

2. Срединный мир (Орто Дойду / Орта дүние / Жалган дүние): Земное подсолнечное пространство, где живут «сыны человеческие» (kişi oylı), пасутся табуны, цветут степные травы и возводятся родовые очаги;

3. Нижний мир (Аллараа Дойду / Төмөнгү дүние / Тамаҕ): Хтоническая сфера недр, подземных вод, холода и завершения земных сроков жизни, находящаяся под надзором владыки смерти Эрлика.

В историографии XIX–XX веков эта космология нередко подвергалась искусственной вульгаризации: исследователи либо механически накладывали на нее чуждую оппозицию «Рай vs Ад», либо сводили образ Эрлика к карикатурному черту поздних шаманских сказок. Однако подлинные древнейшие источники — от руники Орхона и гадательной книги «Irk Bitig» до эпических поэм Олонхо и «Урал-батыр» — раскрывают совершенно иную, глубоко философскую картину космического равновесия.

В первой строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (732 г.) запечатлена исходная космогоническая матрица традиции:

«Üze kök tenri, asra yaýız yer qılınuqda, ekin ara kişi oylı qılınmış...»

— «Когда сверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Буряя Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие...»).

В этом предельно сжатом руническом манифесте сформулирован священный смысл человека:

Небо (Kök Tenri) и Земля (Yaýız Yer) образуют первичные полярности космоса — духовную высь и материальную опору;

Человечество (kişi oylı) помещено ровно между ними (ekin ara) не случайно. Человек — это срединное мыслящее звено вселенной, призванное соединять правду Неба с плодородием Земли.

Наиболее детальное и грандиозное поэтическое описание трехъярусного космоса сохранилось в якутском эпосе Олонхо («Ньургун Боотур Стремительный»), зафиксировавшем архаический общекочевой пласт I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э.:

Верхний мир состоит из девяти концентрических небесных ярусов. Это пространство вечного белого сияния, где не бывает ни зимы, ни засухи, ни тления.

На вершине девятого яруса восседает благой демиург Юрюнг Айыы Тойон;

Там обитают светлые божества Айыы, являющиеся родоначальниками людей и покровителями плодородия;

Из Верхнего мира на землю нисходит благодать жизни — небесный Кут (Qut / Сүр), воплощающийся в душах новорожденных детей и приплоде жеребят.

Средний мир — это наша солнечная Земля, сотворенная прекрасной, изобильной, но хрупкой и уязвимой.

Жители Среднего мира именуются поэтической формулой: «аймах-айыы, люди с поводами за спиной» — существа, наделенные свободной волей и разумом, обязанные сами выбирать между добром и злом;

Жизнь человека протекает в непрестанном труде и борьбе за сохранение очага, уход за скотом и защиту слабых;

Средний мир открыт влияниям сверху и снизу: благодать Неба питает его, но снизу поднимаются хтонические силы распада.

Нижний мир — это подземная ледяная или смоляная бездна, лишенная солнечного тепла.

Там обитают свирепые одноглазые демоны абаасы (abaahı), олицетворяющие энтропию, слепую ярость разрушения, эпидемии и физическую гибель;

Прорыв абаасы в Срединный мир вызывает войны, бедствия и раздоры;

Защитником людей выступает небесный богатырь — Ньургун Боотур, спускающийся из Верхнего мира, чтобы сокрушить демонов и восстановить попорченный мировой порядок.

Все три яруса мироздания не изолированы друг от друга: их пронизывает, соединяет и удерживает единая органическая ось — Мировое Древо.

1. Аал Луук Мас (Великое Исполинское Древо Олонхо):

Корни этого священного дерева уходят в самые глубокие бездны преисподней, связывая и сковывая силы хаоса. Его могучий ствол вздымается сквозь весь Срединный мир, служа космической опорой человечеству. Вершина и ветви Аал Луук Мас упираются в лазурные чертоги девятого неба, где из листьев сочится целебная животворная роса — сок жизни (илгэ), питающий землю.

2. Бәйтерек в казахской мифопоэтике:

В казахской традиции Мировое Древо предстает как исполинский тополь Бәйтерек («Мать-Древо»), растущий на краю света у подножия священной горы.

В пышной кроне Байтерека вьет гнездо сказочная солнечная птица Самрук (Самұрық), откладывающая золотое яйцо — дневное солнце;

В корнях дерева, в темных водах подземного океана, живет гигантский дракон Айдахар, который каждый вечер стремится проглотить солнце, повергая мир во мрак;

Каждое утро птица Самрук возрождает светило вновь, знаменуя вечную победу жизни и света над распадом. Батыр Ер-Тостик, совершая путешествие сквозь чрево нижнего мира, спасает птенцов Самрук, убивает дракона и на крыльях великой птицы возносится обратно в мир живых людей.

Одной из самых захватывающих проблем тюркской теологии является фигура правителя нижнего яруса — Эрлика (Erlig qan).

1. Архаический пласт: Эрлик как справедливый судья загробного мира:

В древнетюркских текстах (рунической книге притч «İrk Bitig» IX в., древнеуйгурских фрагментах) имя Эрлик происходит от основы erlik (мужество, зрелость, достоинство) и соотносится с понятием неумолимого закона смерти. Эрлик — это не «абсолютное зло», не древнем сатана. Он — грозный и беспристрастный судья, хранитель законов подземного мира, принимающий души умерших и отмеряющий им воздаяние за земные грехи. Смерть в этой оптике — не трагедия, а естественный космический предел («Kişi öylü qor ölgeli törümüş» — «Сыны человеческие все рождены, чтобы умереть»).

2. Позднейшая фольклорная демонизация:

Лишь в XVIII–XIX веках под воздействием внешних дуалистических влияний в шаманском фольклоре Саяно-Алтая образ Эрлика приобрел черты уродливого противника демиурга Ульгения, строящего козни и насылающего нечисть. В изначальной же традиционной системе

Эрлик являлся законным правителем нижнего царства, признающим верховенство Неба-Тенгри.

В башкирском эпосе «Урал-батыр» архитектоника трех миров предстает в строгом эпическом противостоянии:

Высший небесный чертог: Царство птичьего владыки Самрау, где царит мир, бессмертие и солярный свет. Самрау воплощает высшую справедливость, но не вмешивается прямо в земные битвы;

Срединный мир Урала: Земля людей, за свободу и чистоту которой сражается Урал-батыр, очищая ее от насилия и зла;

Подземно-подводное царство Шульгена: Мрачные озерные пучины и бездны, куда заточен падший брат батыра — Шульген, объединившийся с чудовищными дэвами и змеями. Вода в эпосе выступает диалектической стихией: животворная чистая проточная вода (Йәншишмә) несет жизнь, тогда как стоячая озерная глубь Шульгена олицетворяет хаос и смерть.

Трехчастная архитектоника Вселенной отражает строгую этическую картину бытия: светлый Верхний Мир созидания и мудрости, Срединный Мир человеческого подвига и испытаний, и глубины Нижнего Мира, напоминающие о суровой неизбежности воздаяния за нарушение вселенского Закона.

В классическом труде «Шаманизм: архаические техники экстаза» Элиаде выделил алтайско-тюркскую вертикальную модель как совершенный мировой образец космологической целостности. Мировое древо выполняет функцию оси соединения: через ствол дерева шаман или батыр совершает экстатическое путешествие на небеса за благословением либо спускается в преисподнюю для спасения похищенной души сородича.

Иннокентий Васильевич Пухов доказал, что якутское Олонхо сохранило в изоляции бассейна Лены древнейшие черты общекочевого эпоса хуннской и тюркской эпохи, избежав позднейших искажений.

С. Г. Кляшторный подтвердил, что трехчастная космология была общепринятым каноном мировоззрения древнетюркских элей.

Из трехъярусного строения космоса вырастает глубочайшая религиозно-философская концепция предназначения человека. Вселенная предстает не нагромождением случайных элементов, а живым Древом Бытия, где каждая сфера исполняет свое непреложное призвание.

В высшем ярусе — Верхнем Мире света и непреходящей гармонии — пребывает предвечный Тенгри в союзе с жизнедательной Умай. Это неиссякаемый Источник космического Закона (Tögö), духовной благодати (Qut) и высшего смысла существования. На противоположном полюсе простирается Нижний Мир — холодные недра, поглощающие плотский тлен, обитель неизбежного физического предела. Традиция не демонизирует нижнюю глубину как абсолютное метафизическое зло: корни Мирового Древа должны уходить в темную толщу земли, чтобы крона могла цвести в лазури. Нижний мир — это необходимый закон круговорота материи и предел бренности.

Но сердцевиной этой космической драмы является Срединный Мир (Орта дүние), доверенный человеку (Kişi öyli). Человек выступает здесь живым священным катехоном — удерживающим стражем вселенского лада. Земной мир держится на его плечах. Если люди предаются корысти, предадут данное слово (ант), проливают невинную кровь и разрушают священную Землю-Воду, невидимая грань между ярусами истончается — и энтропия нижнего хаоса захлестывает степи и города. И напротив, праведная жизнь по совести, верность памяти отцов и чистота помыслов низводят благодать Верхнего Мира на землю, утверждая торжество жизни.

Человек эпохи позднего модерна оказался заперт в душной, одномерной горизонтальности быта и бесконечного потребления. Он забыл о чистом Небе над головой и одновременно пытается спрятаться от неизбежной мысли о смерти, вытесняя память о конечности земного срока в иллюзорный мир развлечений. Тюркская модель мира взламывает эту одномерную ловушку.

Она возвращает сознанию мужественную полноту: человек осознает себя стоящим между вечностью созидającego Духа и тайной физического конца.

Образ Мирового Древа Байтерек учит глубочайшей экологии духа. Невозможно спасти ветви, уничтожая ствол; нельзя отравить корни, не обрекая на гибель всю крону. Забота о природе, чистота помыслов, справедливость в обществе и верность долгу образуют неразрывный союз. Мужественное знание того, что земной век краток и отмерен волей Неба, избавляет личность от мелочного страха и малодушия: человек призван жить по правде не ради посмертных наград или из панического страха наказания, а потому, что только достойная жизнь оставляет незапятнанный свет в памяти Срединного мира.

Какая сила удерживает эти три яруса в вечном нерушимом равновесии? Что не позволяет небесному куполу обрушиться на землю, а хтоническому хаосу затопить мир людей? Каков тот фундаментальный Космический Закон, которому подчиняются и боги, и каганы, и простой воин, и звезды на небесном своде?

* * *

- Помни о трёх мирах: твоё тело живёт в Срединном мире, корни твоих сил уходят в земную глубь, а взор и дух устремлены к Верхнему Небесному миру Тенгри.

- Будь Мировым Древом (Байтерек): пускай корни глубоко в родную почву и традиции, а крону раскрывай навстречу солнцу и высшему свету познания.

- Храни гармонию уровней: не погружайся целиком в материальную суету, но и не улетай в бесплодные иллюзии. Истинный путь номада — твердо стоять на земле, глядя в Небо.

Глава 15. Вселенский закон төрө: небо, государь и народ

«Türk bodunıñ ilin törösın tuta bērmış, ite bērmış... Türk bodun üçün tün udımadım, küntüz olurmadım... Toruğ bodunıñ semirtdim, yalañ bodunıñ tonluğ, çıyañ bodunıñ bay qıldım...» Ради тюркского народа я не спал ночей и не сидел [без дела] днем... Я поднял истощенный народ, нагой народ снабдил одеждой, бедный народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным!»)

— Памятники в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, 732–735 гг.

Закон Төрө (Törö) подводит нерушимый священный фундамент под всё социальное, этическое и государственное бытие кочевых народов Евразии. Это не писанный кодекс земных властителей, а объективный космический порядок, данный свыше, перед лицом которого равны и простой пастух, и венценосный каган.

В историософии Нового времени в отношении восточных кочевых империй долгое время господствовал миф о «дикий азиатской деспотии». Утверждалось, будто степная держава держалась исключительно на грубом насилии конной орды, слепом терроре предводителей и полном бесправии рядовых кочевников перед лицом самовластного хана.

Однако прямое обращение к эпиграфическим источникам Второго Тюркского каганата, уйгурским и караханидским манускриптам, памятникам права дунайских болгар, сводам Великой Ясы и обычному праву казахов, киргизов, башкир и ногайцев открывает диаметрально противоположную реальность.

Власть в тюркской традиции никогда не была произволом тирана. Она мыслилась как строжайшее священное и правовое служение, неразрывно включенное в сакральную триаду:

«ТЕНГРИ (НЕБО) — КАГАН (ПРАВИТЕЛЬ) — ЭЛЬ (НАРОД).»

Высшей ценностью, регулирующей эту триаду и стоящей неизмеримо выше любого смертного владыки, являлся Вселенский Космический Закон — Төрө (Törö / Törü).

В первой же строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (732 г.) учреждение государственности формулируется через неразрывную связь двух понятий — El (государство, союз свободных племен) и Törö (закон, космический порядок):

«...Olurupan türk bodunıñ ilin törösın tuta bērmış, ite bērmış...»

«...Воссев на престол, они держали и устраивали государство [эль] и закон [төрө] тюркского народа...»).

В этой формуле глагол tuta bērmış означает «держат, сохранять в руках, беречь от распада», а глагол ite bērmış — «устраивать, приводить в согласие, гармонизировать».

Понятие Төрө в мировоззренииномада не было простым административным указом правителя. Это священный уклад, дарованный самим Небом при сотворении мира. Задача кагана заключалась не в том, чтобы изобретать законы по своему капризу, а в том, чтобы быть верным стражем Төрө, следить за его неукоснительным соблюдением всеми родами и сословиями.

В строках эпитафии Бильге-кагана находит выражение беспрецедентный для древнего мира манифест ответственности власти перед народом:

«Türk bodun üçün tün udımadım, küntüz olurmadım...»

«Ради тюркского народа я не спал ночей и не сидел без дела днем...»).

Правитель отчитывается перед высшим Небом и перед собранием соплеменников не величием дворцов, не золотой добычей и не числом невольников. Единственным критерием оправдания каганской власти признается реальное благополучие простых людей:

Поднятие упавшего духом народа (toruğ bodunıñ semirtdim);

Защита нагих и бедных (yalañ bodunıñ tonluğ, çıyañ bodunıñ bay qıldım);

Сохранение мира и умножение потомства.

Если правитель допускал обнищание народа, несправедливый суд или втягивал страну в авантюрные разорительные войны, Небо отзывало свой мандат.

В Малой надписи Кюль-тегина (КТм 9–10) прямо указывается первопричина исторических трагедий:

«Törösün içyünmiş bodunıy... Teñri yarlıqaduqın içün...»

— *«Народ, утративший свой Закон [тёрё], пренебрегший заветом отцов, Небо повергло в ничтожество; правителей лишило каганатов, а государство отдало в чужие руки...»).*

Катастрофа утраты независимости и попадания под полувековое иго Танской империи (630–680 гг.) осмысляется тюркскими мудрецами не просто как военное поражение, а как прямое следствие морального распада элиты, предавшей Тёрё ради китайского шелка, титулов и роскоши. Небо покарало народ за измену правде.

Выдающимся памятником средневековой тюркской философии права является дидактическая поэма Юсуфа Хасс Хаджиба Баласагуни «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание»):

Центральный философский конфликт поэмы раскрывается через диалог двух главных персонажей:

Кюнтогды-каган («Восходящее Солнце»): Олицетворяет Справедливость и Закон (Törö / Kөnilik);

Айтолды-визирь («Полная Луна»): Олицетворяет Власть, Счастье и Благодать (Qut).

Баласагуни формулирует непреложный закон:

«Törö birle el bek, qutı artar künde,»

«Törö bussa begler, yiter qut bu künde...»

«(«Законом крепка держава, и благодать [кут] ее возрастает с каждым днем;»

Но если правители разрушат Закон [тёрё], в тот же день благодать покинет их...»).

Справедливый Закон уподобляется солнцу: подобно тому, как солнечный луч одинаково согревает и вельможу, и нищего пастуха, не делая различий между сословиями, так и Тёрё должно быть абсолютно беспристрастным. Власть (Кут) слепа, переменчива и капризна, как фазы луны; устойчивость и бессмертие государству дает только непоколебимый Закон Тёрё.

Среди кочевых народов Центральной Азии на протяжении тысячелетий бытовала нерушимая пословица:

«El qalur, törö qalmaz» / «Ел қалар, төрө қалмас»

«Государство может пасть, но Закон нерушим»).

Этот афоризм фиксирует высшую форму степного конституционализма:

Ханства, империи, правящие династии и государственные границы бренны. Они возникают, достигают зенита и исчезают в песках истории под воздействием смены эпох;

Но моральный закон справедливости, родовая честь, верность данному слову и обычай предков пребывают вечно. Народ, потерявший правителя, способен воссоздать государство заново, если он сохранил верность Тёрё; но народ, утративший Тёрё, обречен на окончательное историческое небытие.

В эпоху Нового времени институты степной демократии и верховенства Тёрё воплотились в уникальных формах народного самоуправления кочевых и полукочевых тюркских обществ — суде биев, советах старейшин (аксакалов) и народных сходах (Курултай, Йыйын).

В обычном праве казахов, кодифицированном при хане Тауке при участии великих биев трех жузов — Толе би, Казыбек би и Айтеке би, власть хана была строго ограничена институтом судебной власти:

1. Бий как голос совести и Тёрё:

Бием невозможно было стать по наследству или по назначению хана. Статус бия даровался народом исключительно за безупречную честность, глубокое знание законов предков и ораторский дар.

2. Приоритет суда над ханской волей:

Если хан совершал несправедливость, потерпевший обращался к бию. В казахском праве существовало нерушимое правило: «Ханда қырық кісінің ақылы болса, биде қырық кісінің ары бар» («У хана может быть ум сорока мужей, но у бия — совесть сорока поколений»). Решение бия, скрепленное клятвой перед Небом, было обязательно для исполнения ханом.

3. Бескровное правосудие:

Степной суд не знал тюрем и калечащих наказаний. Главным принципом было возмещение ущерба, примирение враждующих родов через выплату виры (құн) и восстановление родового согласия.

В общественном строе башкир верховным органом власти являлся Йыйын — народный сход старейшин и свободных общинников:

Решения о границах родовых земель, распределении пастбищ, союзах с соседями и избрании предводителей принимались исключительно общим согласием общины;

Ханские наместники или царские воеводы не имели права вмешиваться во внутреннее устройство башкирской общины;

Закон предков (Түрә) гарантировал святость вотчинного права на землю: земля принадлежала роду на вечные времена, и отнять ее силой считалось тягчайшим преступлением против воли Неба.

Природа степной власти не знала деспотического произвола. Власть кагана или хана держалась на общем согласии свободных людей общины, на авторитете совета старейшин и безусловном подчинении священному Закону Тёрё.

Василий Владимирович Бартольд показал, что тюркский каганат представлял собой сложную конфедерацию родов и племен, объединенных на принципах военной демократии. Власть кагана держалась не на бюрократическом аппарате, а на авторитете воинской славы и способности сохранять мир между родами.

Сергей Григорьевич Кляшторный детально исследовал социально-правовую терминологию рунических стел. Он доказал, что формула «Teŋridä bolmıŋ» («рожденный/утвержденный в Небе») налагала на кагана не абсолютную власть, а абсолютную подотчетность Небу. Каган не обожествлялся; он признавался смертным наместником Неба, чья жизнь и власть находились в руках Тенгри до тех пор, пока он верно служил элю.

* * *

Венчающий вывод всей теологии и космологии Второй Книги кристаллизуется в нерушимую сакральную триаду степной государственности, где власть, закон и единый народ образуют священное нерушимое целое.

На высшей ступени этой онтологической иерархии пребывает Тенгри — верховный Творец, мерило истины и нелицеприятный Судия. От Него исходит предвечный, объективный Закон мироздания — Тёрё (Tögö), и даруется животворящая благодать власти — Кут (Qut). Закон Тёрё не изобретается капризом правителя; он предвечен, как само вращение небесного купола, и объективен, как смена времен года.

В средоточии земного бытия поставлен Каган / Хан — не самовластный деспот, но смертный служитель и блюститель Тёрё, пастырь своего народа. Его предназначение исключительно жертвенно: хранить единство державы, вершить неподкупный суд биев, защищать вдов и сирот, обогащать неимущих и сберегать пастбища от разорения. Власть дана кагану не как личное достояние, а как испытание совести: пока он правит по правде, Небо удерживает над ним благодать Кут; как только он впадает в корысть и гордыню, Небо отзывает Свой мандат, обращая вчерашнего владыку в прах.

Основой же земного мира выступает Эль / Бодун — единый народ, союз свободных родов и общин. Долг народа перед Тёрё — хранить верность клятве (ант), проявлять доблесть в ратном труде и беречь честь своих отцов. Эль свободен и непобедим ровно постольку, поскольку пребывает внутри священного закона. Если государь попирает Тёрё, Эль имеет сакральное

право и обязанность восстановить поруганную справедливость, избрав нового предводителя, угодного Небу. Это была совершенная, опередившая века модель сакрального правового государства, в которой правде подчинялись и пастух, и венценосец.

Древняя философия Тёрё формулирует кардинальные выводы для политической мысли современности, блуждающей между авторитаризмом и анархией.

Степной завет «Ил кетсе де, төрө қалсын» — «Держава может пасть, но Закон нерушим» — утверждает абсолютный примат непреложного Права над сиюминутной политической конъюнктурой. Никакие соображения государственной целесообразности, партийные амбиции или произвол правящих элит не могут стоять выше высшей Справедливости и достоинства человека. Государство, разрушающее закон ради удержания власти узкой клики, неизбежно обрекает себя на крах: лишаясь правды, оно лишается небесного благословения.

Не менее высок нравственный императив служения. Слова надписи в честь Кюль-тегина — «Ради своего тюркского народа я не спал ночей и не отдыхал днем, проливал красную кровь и трудился до черного пота, нагой народ одел, бедный народ сделал богатым» — должны быть высечены на совести каждого современного государственного деятеля. Власть — не кормушка для личного обогащения, а тяжелейшее духовное бремя. Истинный лидер измеряется не блеском своей свиты, а благосостоянием самых незащищенных слоев общества.

Наконец, принцип Тёрё утверждает нерушимую солидарность соплеменников. Судьба родины не может быть передоверена слепой воле одного правителя. Каждый сородич, каждый гражданин несет личную нравственную ответственность за судьбу своего народа. Гражданское безразличие, трусость и молчание перед лицом беззакония делают народ соучастником преступления. Быть верным Тёрё — значит обладать мужеством отстаивать правду, защищать родную землю и не склонять головы перед кривдой.

Так завершается осмысление великого космического круга: от предвечного сияния Неба-Тенгри и сакральной чистоты Земли-Воды до материнского покрова Умай, немеркнувшей памяти предков и Вселенского Закона Тёрё. Великий космос сотворен и приведен в равновесие. Теперь в это одухотворенное пространство мироздания входит сам Человек — сын Неба и Земли, призванный нести в своей груди огонь совести, дыхание жизни и таинство священного Кута.

* * *

- Помни закон Тёрё: Закон выше любого смертного властителя. Справедливость и правда — основа мира, без них государство превращается в разбойничий стан.

- Власть есть служение: если тебе доверено руководить людьми или семьёй, помни, что ты — слуга Закона, а не капризный господин. Твоя обязанность — защищать и кормить слабых.

- Не преступай предела: всякое беззаконие, совершённое ради корысти, разрушает благодать (Кут) и возвращается бедой на голову нарушителя.

Книга III. Человек в мироздании: антропология

Глава 16. Человек меж небом и землей: призвание и место во вселенной

«Сын человеческий рождён меж Небом и Землёй не для гордыни, но для чести. Мудрый муж познаёт меру и живёт пред лицом Единого Неба...»

— *Степная этическая традиция; Махмуд ал-Кашигари, XI в.*

Земное бытие человека в оптике степных мудрецов раскрывается как великое предстояние меж двумя священными безднами — лазурным куполом Неба-Тенгри и материнским лоном Земли-Воды. Человек (Kişi oylı) поставлен в самую сердцевину Вселенной, чтобы быть живым хранителем меры, совести и космического лада.

Каково подлинное место человека в открытом степном космосе? Кем он мыслил себя под бескрайним шатром лазурного зенита?

В новоевропейской философии и публицистике степной человек на протяжении столетий оценивался сквозь призму двух взаимоисключающих искажений:

1. Редукция к слепому фатализму: Представление о кочевнике как о пассивной песчинке в бескрайней степи, полностью раздавленной стихиями природы и безропотно подчиняющейся жестокому року;

2. Модернизаторская романтизация: Неотенгрианский миф конца XX века, изображающий древнегономада как «абсолютно свободного титана», стоящего вне законов, родового долга и священных табу.

Обе эти конструкции рассыпаются при первом же обращении к синхронным памятникам тюркской традиции.

Древнетюркская мысль строилась не вокруг изолированного эгоцентрического индивида и не на трагической ближневосточной концепции «грехопадения плоти». В ее центре стояло строго определенное, ответственное и почетное онтологическое положение: человек как срединное мыслящее звено Вселенной, помещенное между Небом и Землей для поддержания мирового порядка.

Фундаментальный антропологический статус человека сформулирован в первой строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (732 г.):

«Üze kök tenğri, asra yayız yer qılınuqda, ekin ara kişi oylı qılınmış. Kişi oylınta üze eçüm aram Bumın qağan İstemi qağan olurmış...»

— *«Когдаверху возникло Голубое Небо, а внизу возникла Бурая Земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истем-каган...»).*

В этой сжатой рунической формуле заложены ключевые смыслы тюркского видения природы человека:

В древнетюркском языке лексема Kişi обозначает разумное человеческое существо, личность в ее сопоставлении с животным миром (yılqı) и бесплотными духами (iyä).

Словосочетание Kişi oylı («дитя человеческое, сын человека») указывает не на единичного изолированного эгоиста, а на весь человеческий род во всей полноте его поколенческой связи. Быть «сыном человеческим» — значит сознавать себя порождением непрерывной цепи отцов и матерей, несущим ответственность перед грядущим потомством.

Идиома Ekin ara (между двумя, посередине) определяет метафизический локус человека:

Вверху пребывает Голубое Небо (Kök Teңri) — источник духа, света, закона и качественного времени;

Внизу простирается Бурая Земля (Yayız Yer) — источник плоти, питающих трав, проточных вод и телесного покоя;

Посередине помещен Человек (Kişi oylı).

Человек — не властелин природы, призванный покорять и ломать ее хребет, но и не раб стихий. Он — живой медиатор, мыслящий мост мироздания. Своим разумом, справедливостью и словом человек соединяет правду горного мира с жизнью дольной земли.

В эпитафии Бильге-кагана (строка 10) сформулирован непреложный онтологический закон смертности:

«Öd Teңri yasar, kişi oylı qor ölgeli törümiş.»

— *«Временем верховодит Небо; сыны человеческие все рождены, чтобы умереть»).*

Смерть в миропонимании кочевника не является возмездием за первородный грех, проклятием падшей материи или случайной трагедией. Глагол *törümiş* происходит от основы *törö-* (возникать по вселенскому закону, рождаться в согласии с предустановленным порядком).

Человек рожден смертным изначально. Его физический век ограничен сроком (*öd*), отмеченным Небесным Владыкой. Вечны Небо и Земля; человек же — путник в подсолнечном мире.

Эта истина не порождала у степняка отчаяния или уныния. Напротив, осознание краткости земного срока наполняло каждый прожитый день предельной этической плотностью: пока бьется сердце, воин и труженик обязаны совершить достойные дела (*erdäm*) и оставить о себе незапятнанное, светлое имя (*edgü at*).

В словаре Махмуда аль-Кашгари («Диван лугат ат-турк», 1074 г.) и поэме Юсуфа Баласагуни («Кутадгу Билиг», 1069 г.) раскрывается богатство древнетюркской терминологии для обозначения человека:

1. *Yalñuq* (Смертный человек):

Этимологически термин восходит к корню *\yalñ-* (ошибаться, оступаться, быть несовершенным) либо к корню *yalñız* (одинокый, единичный, беззащитный).

Человек в статусе *yalñuq* — это существо хрупкое, подверженное слабостям, ошибкам и страстям, нуждающееся в мудром наставлении, законе Тёре и защите рода.

2. *Kişi* (Личность, достойный муж):

В противоположность уязвимому состоянию *yalñuq*, понятие *kişi* обозначает человека, преодолевшего слабости, обуздавшего эгоизм и вставшего на путь мудрости, верности слову и справедливости.

Баласагуни в строках 148–151 «Кутадгу Билиг» пишет:

«Ağırladı yalñuq qılıp biliglig,»

«Uquş berdi köñlek közi körgülig...»

«(«Создатель возвеличил смертного человека, одарив его знанием;»

Он наделил его разумом и пониманием, дабы очи сердца его были зрячи...»).

Человек возвышается над остальным животным миром не клыками и когтями, а разумом (*uquş*), знанием (*bilig*) и совестливым зрением сердца (*köñül*).

В эпическом наследии тюркских народов человек предстает не пассивным созерцателем, а деятельным борцом за сохранение гармонии Вселенной:

В древнейшем башкирском эпосе «Урал-батыр» статус человека раскрывается через преодоление эгоизма:

Батыр добывает кувшин с Живой водой бессмертия (Йәншишмә);

Перед ним встает выбор: выпить воду самому и стать бессмертным полубогом, либо отдать ее земле;

Урал-батыр без колебаний кропит водой горы, пересохшие русла рек и степи, восклицая: «Пусть живет вечно Земля, пусть вечно цветут травы, пусть не иссякают реки для людей и зверей!».

Человек добровольно принимает физическую смерть, чтобы даровать вечную жизнь экосистеме своего отечества. Это высший триумф степной антропологии служения.

В огузском эпосе «Китаби дедем Коркут» человек именуется Адамоглу (Adamoğlu) или Эр (Er):

Богатырь Дели Думрул бросает вызов грозному ангелу смерти Азраилу, защищая жизнь сородича;

Но в момент наивысшего испытания он смирят свою ярость перед волей Единого Прекрасного Бога (Görklü Tanrı);

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.